

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)

Выпускная квалификационная работа на тему:

**ОБРАЗ ОТЦА У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК, ВОСПИТАННЫХ
МАТЕРЯМИ В НЕПОЛНЫХ СЕМЬЯХ**

по специальности 37.05.01 – Клиническая психология
основная образовательная программа Клиническая психология
профиль: Психология кризисов и экстремальных состояний

Рецензент:
Кудрявцева С.В.
кандидат медицинских наук
кафедры медицинской пропедевтики
ЧОУВО «ВЕИП»

Выполнил:
Студент 6-го курса,
дневного отделения
Трегубова Т.В.

Научный руководитель:
старший преподаватель
кафедры психологии кризисных
экстремальных ситуаций
Лебедева Е.И.

Аннотация

В проведенном исследовании приняли участие юноши (19 человек) и девушки (36 человек) из неполных семей в возрасте от 19 до 25 лет, не состоящие в браке, пережившие уход отца из семьи в возрасте от 3 до 10 лет. В контрольную группу вошли юноши (24 человека) и девушки (41 человек) из полных семей в возрасте от 19 до 25 лет, не состоящие в браке. Изучались «образ Я» (методика «Кто Я?» М.Куна-Маркпартленда, методика Дембо-Рубинштейн, опросник самоотношения Столина-Пантелеева, методика «незаконченные предложения» Сакса-Леви); образ отца (модификация методики «Кто Я?», опросник Расщепленности Родительских Репрезентаций Холмогоровой и Полкуновой, методика «незаконченные предложения» Сакса-Леви); перспектива будущего (метод мотивационной индукции Ж. Нюттена). Обработка данных: корреляционный анализ критерием r -Пирсона и r -Спирмена; сравнение средних значений критерием U-Манна-Уитни; критерий χ^2 -Пирсона. Результаты: показатель «социальное Я» респондентов статистически значимо коррелирует с показателем «социальное Я» отца; показатель «рефлексивное Я» коррелирует с показателем «рефлексивное Я» отца; показатель «рефлексивное Я» участников исследования обратно коррелирует с показателем «социальное Я» отца. Образ отца статистически значимо не связан с перспективой будущего. Образ отца юношей и девушек из неполных семей статистически значимых отличий не имеет.

Abstract

Background: The subjects were young people brought up by single mothers, aged 19 – 25 years old, unmarried. They were compared to counterparts from nuclear family, aged 19 – 25 years, also unmarried. The methods were: to explore the self-image: the self-test questionnaire (V.V Stolin, S.R. Panteleev); Twenty Statements Test (TST); Sacks sentence completion test (SSCT); self-assessment methodology Dembo-Rubinstein; to explore the image of father: the method of the split object representations (E.V. Polkunova, A.B. Kholmogorova); Modified Twenty Statements Test; Sacks sentence completion test (SSCT). For the study the future time perspective: The Motivation Induction Method (M.I.M.). Mathematical methods: The Pearson and Spearman rank correlation coefficients; Mann — Whitney U-test; Pearson's chi-squared test. The results: the self-image of young men and women has partial correlation with the image of of their father. There is no statistically significant correlation between the image of father and the future time perspective of young men and women. There are no statistically significant differences between the image of father which young men have and the image of father which young women have.

Оглавление

АННОТАЦИЯ.....	2
ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ.....	9
1.1. ПОНЯТИЕ «ОБРАЗА Я» В ПСИХОЛОГИИ.....	9
1.2. ПОНЯТИЕ ОБРАЗА ОТЦА.....	18
1.2.1. ФИГУРА ОТЦА В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ.....	18
1.2.2. ОБЗОР ОСНОВНЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РОЛИ ОТЦА.....	23
1.2.3. МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ОТЦА.....	28
1.3. РОЛЬ ОТЦА В РАЗВИТИИ РЕБЕНКА.....	30
1.3.1. ОТЕЦ КАК ТРЕТИЙ.....	30
1.3.2. ОТЕЦ КАК МУЖЧИНА.....	31
1.3.3. ОТЕЦ КАК МУЖ МАТЕРИ РЕБЕНКА.....	34
1.3.4 ОТЕЦ КАК РОДНОЙ ЧЕЛОВЕК.....	37
1.4. ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ.....	39
ГЛАВА 2. МЕТОДЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	40
2.1. ОПИСАНИЕ ВЫБОРКИ.....	40
2.2. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	40
2.3. МАТЕМАТИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ОБРАБОТКИ ДАННЫХ.....	45
ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ.....	47
3.4. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ.....	47
3.5. КОНТЕНТ-АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСНИКА РАСЩЕПЛЕННОСТИ РОДИТЕЛЬСКИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ.....	57
ВЫВОДЫ.....	60
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	61
ПРИЛОЖЕНИЕ А1.....	69
ПРИЛОЖЕНИЕ А2.....	70
ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....	71

ПРИЛОЖЕНИЕ В1.....	72
ПРИЛОЖЕНИЕ В2.....	73
ПРИЛОЖЕНИЕ Г.....	74
ПРИЛОЖЕНИЕ Д.....	76
ПРИЛОЖЕНИЕ Ж.....	77
ПРИЛОЖЕНИЕ К.....	78
ПРИЛОЖЕНИЕ Л.....	80

Введение

За последние 30 лет наблюдается рост интереса исследователей к фигуре отца, что является следствием структурных изменений в современной модели семьи. С тех пор как мужчины и женщины большинства культур стали равны в своих правах, роль отца в воспитании детей, представления о его вовлеченности в этот процесс сильно изменились. Как в российских, так и в зарубежных источниках говорится о том, что ожидания от отца расширили своё содержание от патриархальной главенствующей позиции и «добытчика» семьи до эмоциональной заинтересованности в воспитании детей [Калина О.Г., Robby D. Harris]. Однако, ни смотря на растущее число научных работ, в которых рассматриваются различные аспекты отцовства, многие исследователи отмечают, что материнство изучено в большей степени [40].

Одним из наиболее распространенных подходов к изучению отцовства является исследование неполных семей. Во главу угла в экспериментальных работах такого рода, чаще ставится личность ребенка, имеющего ограниченный опыт взаимодействия с отцом или не имеющего его совсем. Стоит отметить, что даже при условии отсутствия отца в семье, он продолжает существовать у детей в виде внутреннего объекта [57]. Однако образ отца у ребенка из неполной семьи редко исследуется экспериментально.

Актуальность данной работы формируется на основании трёх факторов. Первый – это пока еще недостаточная изученность темы отцовства в целом, как минимум по сравнению с темой материнства. Второй – всё еще довольно высокая статистика разводов: наблюдается увеличение количества разводов в России на 1 % по сравнению с прошлым годом и уменьшение количества браков на 11.6 % (по данным федеральной службы статистики). Также следует отметить, что на протяжении пяти лет (с 2010 года до 2014) количество зарегистрированных браков за год оставалось стабильным, а с 2015 года этот показатель начал снижаться, в то время как количество разводов остается

относительно стабильным до сегодняшнего дня (4.2 развода на 1000 человек) [55]. И третий фактор заключается в том, что в России количество эмпирических исследований отцовства меньше, чем за рубежом. [41].

Научная новизна и практическая значимость данной работы заключается в рассмотрении образа отца как такового и его связи с временной перспективой у юношей и девушек из неполных семей.

Объектом исследования в данной работе являются юноши и девушки в возрасте от 19 до 25 лет, пережившие развод родителей и как следствие уход отца из семьи в возрасте от 3 до 10 лет.

Предметом выступают особенности «образа Я» и образа отца, а также перспектива будущего.

Цель – изучение особенностей «образа Я» и образа отца, а также перспективы будущего юношей и девушек из неполных семей, воспитанных матерями. В задачи проведенного в рамках данной работы исследования входит:

1. Изучить особенности «образа Я» у юношей и девушек из неполных семей в экспериментальной и контрольной группе.
2. Изучить особенности образа отца в обследуемой и контрольной группах.
3. Изучить связь «образа Я» и образа отца в обследуемой и контрольной группах.
4. Изучить связь образа отца с временной перспективой в экспериментальной и контрольной группах.

Гипотезы исследования могут быть сформулированы следующим образом:

1. Существует связь между «образом Я» и образом отца у молодых людей и девушек.
2. Образ отца связан с особенностями временной перспективы.
3. Образ отца девушек, воспитанных матерями отличается от образа отца юношей, воспитанных матерями.

В качестве методов исследования выбраны:

1. Тест-опросник самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев)
2. Методика «Кто Я?» (М.Кун, Т. Маркпартленд)
3. Модификация методики «Кто Я?» (М.Кун, Т. Маркпартленд) для изучения образа отца
4. Метод мотивационной индукции (Ж. Нюттен, в адаптации Н.Н. Толстых)
5. Сокращенный вариант методики «незаконченные предложения» (Дж. Сакс – С. Леви)
6. Модифицированный вариант методики Дембо-Рубинштейн
7. Опросник расщепленности родительских репрезентаций (А.Б. Холмогорова, Е.В. Полкунова)

Глава 1. Обзор литературы

1.1. Понятие «образа Я» в психологии

Для того, чтобы понять, что собой представляет образ отца и какую роль он играет в развитии личности, следует сначала обратиться к такому понятию как «образ Я».

Содержание и объём данного феномена всё ещё остаются дискуссионными. В связи с этим, стоит отдельно отметить тот факт, что в современной психологии существует несколько понятий тесно соотносящихся между собой по содержанию и структуре. К ним относятся: «самосознание», «образ Я», «Я-концепция» и «идентичность». Зарубежные и отечественные психологи применяли разные подходы к определению данных понятий.

Изначально в классической психологии зародилось понятие самосознания, определяющего способность человека осознавать свои мысли и переживания. В современной психологии самосознание определяют, как высший вид сознания, возникший в результате развития сознания (Рубентштейн С.Л., 2003).

Выделение понятия «образа Я» как отдельного, корнями уходит в представления У. Джемса [14]. Он впервые обозначил различие между процессом и продуктом самосознания, выделив в глобальном личностном «Я» - «чистое Я» (познающее) и «эмпирическое Я» или «я – как объект» (познаваемое). Эти две стороны одного «Я» существуют одновременно и представляют собой чистый опыт и содержание этого опыта соответственно. То есть представление о себе, это не только результат процесса самосознания, но и обязательное его условие

Попытку привести в порядок терминологию, посвященную «Я-концепции» предпринимал Р. Бернс [3]. Он предложил идею иерархической структуры «Я-концепции», где на вершине располагается глобальное

личностное «Я», затем он располагает элементы, выделенные Джемсом - «Я-сознающее» и «Я- эмпирическое». Из которых Бернс выводит соответственно «самооценку» и «образ Я». Автор отмечает, что два этих понятия неразрывно связаны и определяют поведение человека, а также являются установками на себя. «Поэтому глобальную Я-концепцию мы можем рассматривать как совокупность установок индивида, направленных на самого себя» (Бернс Р., 1997, стр 32). Также Бернс выделяет три основные модальности самоустановок (реальное Я, зеркальное (социальное) Я и идеальное Я). В свою очередь эти модальности включают в себя различные аспекты Я: физическое, социальное, умственное и эмоциональное.

Как и Джемс, Ч.Х. Кули и Дж. Г. Мид одними из первых создали работы в области теоретической психологии, посвященные представлениям о Я-концепции [30; 37]. Их подход относится к интеракционистской теории личности. Этим авторам принадлежит теория «зеркального Я», а основой их представлений является тезис о том, что социальное взаимодействие является детерминантой развития и содержания «образа Я». Причем особое внимание отводится так называемым первичным группам (семья, детский коллектив, соседская община), им принадлежит решающая роль в социализации индивида. С позиции теории «зеркального Я» развитие «образа Я» происходит за счет непосредственного контакта ребенка с людьми, с которыми он себя идентифицирует и за счет их последовательных реакций. Однако следует отметить, что Дж. Мид в отличие от своего предшественника Ч. Кули большее внимание уделял роли символов и жестов в процессе взаимодействия.

С позиции интеракционистов «образ Я» развивается через идентификацию с позицией значимого другого, а также с его статусом и его референтной группой. «Образ Я» в данном теоретическом направлении является когнитивно – эмоциональным образованием, выполняющим адаптационную функцию в новых ситуациях [42]. Однако при таком подходе к изучению «образа Я» нет четкого представления о том, как именно личностью осознаются отраженные внешним окружением характеристики. Помимо этого,

упор сделан на социальной природе «образа Я», а внутренняя детерминация поведения игнорируется или отрицается.

В рамках когнитивной психологии «образ Я» рассматривается через понятие «Я- процессы», которые отвечают за обладание личностью самопознания [64]. В данном направлении считается, что человек обладает множественными концепциями «Я», изменяющимися в разных ситуациях. Поэтому «Я-концепция» не может быть целостной с этих позиций. Представители когнитивного направления, в частности Маркус [64], выделяют в структуре личности, так называемые, «Я-схемы» - обобщения информации о себе, полученной за счет прошлого опыта. Помимо обобщения, эти структуры также направляют процесс получения новых сведений о себе, упорядочивают его.

У представителей психоаналитической школы также существовал свой подход к изучению «Я». Так, например, З. Фрейд в основе всех психических актов видел биологическую природу тела. Описывая психическое развитие человека, он также говорил о значимости социальных связей и взаимодействия с другими людьми [61].

Последователи классического психоанализа смещали акценты в изучении «Я-концепции». Сюда относятся: психосоциальная концепция развития Э. Эриксона [67], школа межличностных отношений Г. Салливана [46], взгляды К.Хорни [42], теория «собственного Я» Х. Кохута [28]. Во всех этих концепциях «образ Я» анализируется с позиции взаимодействия биологической и социальной природы человека. В результате были сформулированы три теории развития представлений о себе: эволюционная, динамическая и структурная.

К. Хорни [42] выделяет «актуальное» или «эмпирическое Я», «идеализированное Я» и «реальное Я». К первому понятию относится всё, чем человек является на данный момент (его тело, душа). «Идеализированное Я» является продуктом «иррационального воображения» и ведет к неврозу, так как его невозможно достигнуть. «Реальное Я» является противоположным

«идеализированному Я» и ведет в направлении индивидуального роста, самореализации, достижения полной идентификации и, следовательно, свободы от невроза.

Дж. Лихтенберг [34] описал четырехступенчатую схему развития в осознании собственного «Я». Первый уровень – развитие самодифференциации (формирование первичного опыта); второй – объединение упорядоченных групп представлений о себе; третий – интеграция всех телесных представлений о себе в «связное Я»; четвертый – упорядочивание «связного Я» в психической жизни.

В структурной теории агент смещается с рассмотрения эго на изучение сознания и далее структуры «Я». В частности, Хартманн [62] разделил эго на «воспринимаемое Я» (или нарциссическое эго, которое способствует ясному ощущению себя) и «не воспринимаемое Я».

Эриксон [67] рассматривал «образ Я» через эгоидентичность, опираясь на взгляды З. Фрейда. По его мнению, на характер эгоидентичности влияют окружающая индивида культурная среда, а также его личные возможности.

Эриксон описал восемь стадий развития личности, связанные с изменениями эгоидентичности, а также перечислил кризисы, которые возникают в связи с решением внутренних конфликтов на разных возрастных этапах развития. Эриксон считал механизм формирования «образа Я» – бессознательным процессом.

Дж. Марсиа [42] позднее дополнил теорию Эриксона. В его представлениях идентичность («образ Я» здесь не выделяется как отдельное понятие), имеет четыре статуса, которые выделяются на основании степени самопознания индивида:

- достигнутая идентичность (результат поиска и изучения себя);
- идентификационный мораторий (в период кризиса личности);
- неоплаченная идентичность (отказ от самопознания и в результате принятие идентичности другого человека)

- диффузная идентичность (индивид может принимать разные идентичности, но своя собственная и постоянная отсутствует)

В классическом психоанализе самосознание рассматривается как буфер между двумя плоскостями: непрерывным давлением подавленных сексуальных влечений с одной стороны и с требованиями реальности – с другой. В психодинамическом подходе выделяются следующие структурные понятия «образа Я»: «Я-конструкт», «Я-объект», «Я реальное». Также рассматривается содержание внутриличностного конфликта, выделяется классификация механизмов психологической защиты, что является существенно важными представлениями об «образе Я» в современной психологии. Однако динамика и структура личностных смыслов субъекта в данном направлении недостаточно сформулированы.

В гуманистическом направлении «образ Я» рассматривается через призму непосредственного опыта индивида. Представления о себе в конечном итоге складываются в систему самовосприятия [43]. Представители данного направления разработали положение об индивидуальности опыта человека и его стремлении к самоактуализации. Впервые было введено понятие «Я-концепции», которое формулируется как образ, состоящий из совокупности представлений о себе как о субъекте и объекте, а также восприятия отношения этих представлений к другим людям. К. Роджерс выделял контроль и интерпретацию поведения как основные функции «Я-концепции», что в свою очередь влияет на выбор активности и обуславливает развитие либо позитивной, либо негативной «Я-концепции».

Нельзя обойти вниманием и теорию конструктов Дж. Келли [64], где «образ Я» рассматривается как система опыта. Понятие конструкта в данной теории является единицей опыта и способом толкования реальности человеком. Это происходит через анализ событий жизни, её аспектов и в итоге приводит к тому, что человек выделяет схожие события и при этом отличающиеся от других. В итоге формулируются биполярные личностные конструкты. В качестве примера можно привести такие конструкты как: «мужской-женский»,

«толстый – худой», «чёрное – белое» и другие. Всё это помогает человеку адаптироваться к объективной действительности, а также описывать себя и других людей. В результате появляется «имплицитная теория личности» и модель межличностного восприятия [64].

Также значительный вклад в изучение «образа Я» внёс Р. Бернс [3]. Он выделял описательную и оценочную стороны «образа Я», а именно «картину Я» и самооценку. Таким образом по Бернсу «образ Я» представляет собой совокупность характеристик индивида, которыми он сам себя описывает и то, что он думает о себе, то есть как смотрит на свою деятельную сторону и на возможности развития в будущем. Бернс также был одним из тех исследователей, которые отмечали неразрывную взаимосвязь «образа Я» и самооценки, что затрудняет их концептуальное различение.

Еще одно направление в зарубежной психологии, связанное с изучением «образа Я» - психосинтез. Здесь важное место занимает концепция самосознания Ассаджоли [2], в которой выделяются процессы – «персонализация» и «персонификация», а также структура – «набор субличностей». Структурные изменения личности связаны как раз с вышеуказанными процессами, то есть с особенностями самоотождествления и самопринятия. Субличности представляют собой динамические образования, входящие в «персональное Я» и образующиеся за счет идентификации себя с теми ролями, которые человек играет в жизни (чаще это семейные, профессиональные роли). Наиболее важным вкладом психосинтеза в развитие понятия «образа Я» является как раз утверждение о соответствии отдельных субличностей «персональному Я» и о том, что ни одна из субличностей не может доминировать над ним.

В отечественной психологии проблематикой образа Я занимались В.В. Столин, Т. Шибутани, Е.Т. Соколова, С.Р. Пантилеев, Н.И. Сарджвеладзе. Их монографические исследования создавались в основном в русле изучения самосознания.

В отечественной психологии самосознание определяют, как совокупность психических процессов, которые позволяют индивиду осознать себя как субъекта действий и переживаний, и на основании представлений о себе сформировать целостный «образ Я». В целом и общем отечественные исследователи выделяют в самосознании когнитивный и эмоциональный компонент. В итоге результатом самопознания в контексте когнитивного компонента является система знаний о себе, а эмоционального – устойчивое отношение личности к себе.

И.С. Кон [26] указывает на двойственность понятия «Я», так как самосознание можно представить в двух формах:

- «Я» как субъект мышления или «рефлексивное Я» (эго);
- «Я» как объект восприятия или «рефлексивное Я» («образ Я»).

Особое внимание И.С. Кон уделяет тому, что «образ Я» помимо психического отражения является также социальной установкой, выражаемой в форме отношения личности к себе.

В.В. Столин [50] выделяет в «Я-концепции» три уровня:

- 1) Физический «образ Я» (схема тела) - обусловлен стремлением человека сохранять физическое благополучие своего организма.
- 2) Социальная идентичность – связана с потребностью человека принадлежать группе людей, быть частью общности.
- 3) Дифференцирующий «образ Я» - суть его заключается в потребности ощущать свою индивидуальность, на основании знаний о себе и сравнении их с другими людьми. А также выражается в стремлении определить свой путь и к самоактуализации.

Совместно с А.А. Бодалёвым [51], выделяя когнитивный и эмоциональный аспекты «образа Я» они отмечают, что это продвижение в понимании сути процесса самосознания позволило лучше изучить такие феномены как социальная желательность, стратегия самопрезентации, а также частные моменты диагностических опросников: область самораскрытия, тактика согласия или несогласия с утверждениями, установки на тест,

инструкция, статистическая процедура. Исследователи пришли к выводу, что стремление выглядеть в глазах других людей в выигрышном свете, это истинная характеристика «Я-концепции», так как последняя понимается как образ самого себя, в который человек верит и стремится признать в нем те качества, которыми хочет обладать. Также они указывают на то, что эта характеристика является частным случаем более глобального феномена – тактики самоподачи [51].

Р. Баумейстер выделяет две стратегии самопрезентации: ублажающую и самоконструирующую [51]. Первая стратегия заключается в том, что человек анализирует критерии поведения, принятые в конкретной группе и выполняет функцию поддержания благоприятного образа и обусловлена стремлением получить «вознаграждение». Вторая стратегия связана с поддержанием идеального «образа Я» и детерминирована желанием произвести впечатление на окружающих теми качествами личности, которые входят в её понятие «идеала Я».

А.М. Спиркин [49] определяет самосознание как целостную оценку себя и своего места в жизни. В структуре самосознания он выделяет оценку собственных действий и осознание их результатов, а также мыслей, чувств, морального облика, интересов, идеалов и мотивов поведения.

Иной взгляд на формирование самосознания прослеживается у приверженцев культурно-исторической теории развития человека.

Появление самосознания здесь рассматривается как этап в развитии сознания, которому предшествуют речевое развитие, рост самостоятельности, а также изменения во взаимодействии с другими людьми. Особый упор делается на социальную детерминированность самосознания, что отражено в работах Л.С. Выготского (культурно-историческая концепция) [13], С.Л. Рубинштейна [45] и А.Н. Леонтьева (теория деятельности) [32].

В целом процесс развития самосознания с позиций данных авторов можно описать через следующие этапы:

- человек включается в предметную деятельность;

- интеграция оценок других людей в систему самооценок;
- самосознание отделяет «Я» от «не Я», то есть субъект от объекта;
- развитие целеполагания;
- развитие самоотношения, путём установления связей между предметами и явлениями, а также за счёт эмоциональных оценок.

Таким образом самосознание формируется в результате деятельности, а затем выполняет функцию её регулирования. Также самосознание соотносит когнитивную составляющую «образа Я» с высшими ценностными ориентациями человека. Однако не всегда стоит рассчитывать на регулятивную функцию самосознания, так как на поведение человека могут влиять и ситуативные факторы вроде спонтанных эмоциональных импульсов.

Обобщая теоретические данные можно представить «образ Я» в виде структуры, которая отвечает за регуляцию поведения и включает в себя следующие компоненты:

- смысложизненные ориентации;
- когнитивный;
- аффективный;
- конативный.

Смысложизненные ориентации определяют направление развития личности её самореализации. Вокруг основных жизненных смыслов организуются остальные элементы, входящие в «образ Я». Когнитивный компонент отвечает за формирование схемы тела, а также за самоопределение в плане интеллектуальных особенностей и нравственных черт личности. Аффективный компонент выражается в текущем психическом состоянии личности. Конативный компонент состоит из характеристик поведения, отвечает за регуляцию поведения в социуме, и детерминирован ведущим стилем деятельности личности [42;64].

Таким образом, в психологии можно выделить множество подходов, изучающих в тесной связи «Я-концепцию», «Образ Я» и самосознание

личности с разных теоретических позиций как дополняющих друг друга, так и содержащих противоречия.

1.2. Понятие образа отца

1.2.1. Фигура отца в культурно-историческом контексте

Понимание того какую роль занимает отец в психическом развитии личности, во многом зависит от социально-культурного контекста. Так, например, в исследовательской работе С.Т. Посоховой и С.В. Липпо [41] говорится о том, что у мужчин и женщин наблюдаются сходные представления об идеальном отце, которые по-видимому связаны не с реальным опытом взаимодействия с отцом, а со стереотипами в обществе на данном историческом этапе развития. В разные периоды на протяжении истории человечества роль отца в воспитании детей постоянно менялась, от полного его отстранения до максимальной вовлеченности. О.Г. Калина и А.Б. Холмогорова [20] проанализировали представления о роли отца в разных культурах.

На раннем историческом этапе западной цивилизации во времена господства матриархата, роль отца исключительно сводилась к зачатию ребенка. Начиная со времен классической Греции, отец стал обладать большой властью над детьми и женой, его позиция в семье носила авторитарный характер. Затем на понимание роли отца значительно повлияло христианство, что выразилось в еще большем укреплении его авторитета, но также это стимулировало отцов проявлять большую вовлеченность в воспитании детей. На протяжении XVIII-XIX вв., отцы также занимали господствующее положение в семье и изменения в их положении пришли лишь с началом XX века, когда социальные изменения привели к ослаблению власти отца, что могло являться одним из факторов, приведших ко Второй мировой войне. На новом витке развития западное общество снова ориентировано на отца, его

роль в семье возрастает, и он больше, чем когда-либо участвует в уходе за детьми [20].

На Американском континенте несколько иначе развивались представления об отце. Уже в XVII в., поощрялась чуткость отца по отношению к детям, а Американская революция окончательно отвергла идею тирании. В начале XX века отцов рассматривали как авторитетную фигуру для подростка, призванную для того, чтобы защитить их от усиливающейся гиперопеки матерей, а также от гомосексуализма. Однако Вторая мировая война также привела к кризису отцовства, росту отклоняющегося поведения у подростков. И уже позднее рост эмансипации женщин привел к тому, что от отца требовалось иметь равные права и обязанности с женщиной, а значит проявлять такое же активное участие в воспитании ребенка и физическом уходе за ним. Появляется даже термин «новый отец», описывающий современных мужчин включённых в воспитание детей, берущих декретный отпуск, посещающих дородовые занятия и присутствующих при родах (Pleck E., 2004; Emília Carvalho Coutinho et al 2016).

Однако Дж. Болен отмечает, что вся западная цивилизация представляет собой патриархальную культуру, среди ценностей которой «особое место занимают личная власть, рациональное мышление, способность контролировать ситуацию» (Дж. Болен, «Боги в каждом мужчине», 2008, с. 14). В результате мужчины вынуждены прятать свои эмоции и носить маску, выражающую надлежашие для представителей определенного класса поведение. В результате патриархальная культура создаёт серьезные ограничения на пути к сближению отцов с их детьми, ведь происходит подавление истинных эмоций, «детских» проявлений ради сохранения образа успешного властителя. Также автор обращает внимание на явную враждебность к сыновьям в патриархальной культуре, которая связана с древними мифами о страхе богов (небесных отцов) перед сыновьями, которые по их представлениям захотят убить своих отцов и жениться на матери. Линда Ширз Леонард [31] также отмечает пагубное влияние патриархальной

культуры на развитие феминности у женщин и мужчин, говоря об отцовско-дочерней травме как о состоянии нашей культуры. Описывая различные варианты нарушенных отношений женщин с отцом, она отмечает: «эти отцы сами имели эмоциональные травмы, связанные как с их маскулинностью, так и с их феминностью» (Линда Шерз Леонард, 2011, с. 19). Юнгианский аналитик Луиджи Зойя[35], описывая изменения роли отца на всем протяжении развития культуры человечества, отмечает, что истории удалось укротить чрезмерную власть отцов, но всё ещё не удалось ограничить мужское высокомерие. В заключении своей работы, автор обращает внимание на то, что человечеству необходимо «искать отца», узнавать его историю и изучать его образ, тогда возможно нам будут даны ответы.

В латинской культуре существует устойчивый стереотип отца-мачо, то есть агрессивного тирана при тихой, во всем соглашающейся с ним жене. Однако, в современном обществе такие отцы, особенно живущие на территории США более демократичны. За негативными чертами авторитарного и контролирующего отца, скрываются также качества защитника и добытчика. Для латиноамериканских отцов важна семейная близость и уважение их позиции, и несмотря на то, что из-за сложившегося стереотипа от них редко ждут проявления заботы по отношению к детям, они часто стремятся к этому [20].

В восточных странах отец до недавних пор являлся авторитетом и занимал главенствующее положение в традиционной семейной системе. Женщина в Японии после зачатия ребенка возвращалась в родительский дом и жила там до рождения ребенка. После родов женщина возвращалась к мужу, но спала на одной кровати не с супругом, а с ребенком до тех пор, пока ему не исполнилось по меньшей мере три года. Мужчина в такой семье мало общается с женой и ребенком и подолгу задерживается на работе. В Корее и Китае ситуация складывалась похожим образом [20].

Однако и в восточной культуре наблюдается изменение отношения к положению отца в семье. Его превосходство стало уменьшаться во второй

половине XIX века, а во второй половине XX века и вовсе приобрели равные права с женщинами и стали проводить больше времени с детьми, особенно это заметно в общении мужчин с дочерьми, что раньше было не принято в восточной культуре [20].

При сравнении восточной и западной культур, можно отметить, что в западной культуре от отца больше требуется проявление активности в отношении с детьми, чем на Востоке.

В странах с исламской культурой отец в семье традиционно занимает ведущую авторитарную позицию. Дети воспринимаются им как собственность. Однако Т.Пелс [85] отмечает, что эмигранты из Марокко, живущие в Голландии, находясь под влиянием западной культуры, вынуждены разделять вместе с женами уход за детьми.

Попытки проследить изменение роли отца в русской истории предпринимались такими исследователями как Дружинин, Кон, Кочубей,

Как показывает анализ источников, позиция отца в русской культуре начиная с «Домостроя» была патриархальной. Несмотря на то, что отец являл собой образец власти и строгости в общении с детьми, уход и воспитание полностью ложились на плечи женщины и нянек до тех пор, пока ребенку не исполнялось 7-8 лет. Только по достижении этого возраста, отец вмешивался в воспитание детей (20).

Отношение к фигуре отца в российской культуре хорошо прослеживается в описываемых образах отцов в русской литературе XIX века. Среди героев произведений О. Г. Калина и А.Б. Холмогорова выделяют два наиболее прорисованных образа отца: «пьяницу, дебошира, жестокого тирана, с одной стороны, и безвольного, неспособного защитить от женской тирании, боящегося жены, отстраненного игрока-кутилу, проматывающего семейные деньги, все воспитание переложившего на надорванную жену – с другой» (О.Г. Калина, А.Б. Холмогорова., 2011, с. 15).

Как отмечает Дружинин [17], роль отца в социализации детей свелась на нет, после октябрьской революции. Его позицию на себя приняло тоталитарное государство, а подростки в итоге больше хотели быть похожими на мать.

А. Ф. Усков [54] обращает внимание на многочисленные примеры убийства отцов на протяжении истории России, что привело в итоге к нарастающей маскулинности женщин и пассивности мужчин вплоть до полного исключения их из семейных отношений. В целом многие исследователи указывают на падение авторитета отцовской фигуры в семейной системе.

Федотова [56] в своём исследовании выяснила, что 27 % мужчин признают своё главенство в семье и 20% женщин также считают мужа главой семьи. По данным Федотовой мужчины чувствуют себя ведущими в семейной системе в том случае, если имеют высокий доход и успех в деятельности, которая его обеспечивает. При этом женщины в большей степени обращают внимание на внутрисемейную деятельность мужа и именно с этим связано признание его авторитета в семье, причем на основании сравнения с мужьями в других семьях. Женское главенство в семье чаще всего признается в том случае, если все организаторские функции внутри семьи за исключением материальной стороны, берет на себя супруга. Также такой тип главенства устанавливается в случае признания женой несостоятельности мужа в роли главы семьи.

Орлянский (2004) обращает внимание на противоречивость требования предъявляемых к отцу в современном обществе: с одной стороны, за ним все еще сохраняется функция добытчика, а значит большую часть времени ему требуется проводить на работе, с другой стороны он должен проявлять любовь и заботу, следовательно, проводить больше времени с детьми.

Алешина и Волович отмечают, что в России у мальчика есть весьма ограниченный набор способов проявить свои маскулинные качества, так как взрослые (зачастую женщины) амбивалентно относятся к таким проявлениям. Это видно на примере проявления обиды: мужские способы реагирования в

такой ситуации либо не предлагаются вовсе, либо отвергаются родителями (Алешина Ю.Е., Волович А.С. 19991 г).

Посохова и Липпо [41] выдвигают предположение, что в традициях русской семьи, отец всё еще представляется как доминирующая личность. По данным исследования, иерархия признаков, характеризующих образ отца почти не зависит от возраста и пола респондентов и выражается в признании авторитарности и эгоистичности отцов и практически не выражены представления об отце, находящемся в подчиненном положении.

Имеются клинические данные описывающие, так называемых «удобных мальчиков». Это своеобразный феномен, подразумевающий под собой послушных маленьких сыновей, которые редко проявляют инициативу и редко заводят друзей, однако ведут себя тихо, соблюдают все правила и хорошо учатся, то есть не доставляют родителям хлопот. (Калина 2008)

Также огромное влияние на современную культуру по мнению Н.Н. Малярчук и Н.Г. Прокофьева оказывает технократическое мышление, которое снижает качество жизни, замещая ценности межличностного общения стремлением к потреблению и успеху. Авторы указывают на то, что информационный век снижает качество общения, не поощряет проявление эмоций и чувств, а ведет к слепому следованию инструкциям и правилам [36]. Это сочетается с требованиями патриархальной культуры и ведёт к снижению значимости семейных ценностей.

При сравнительном анализе стереотипного образа российского отца и отца в западной культуре следует обратить внимание на сходные процессы, участвовавшие в его формировании, такие, как колебания в отношении к отцу от абсолютного авторитета до полного исключения из семьи, а также на характер истории XX века со всеми его трагедиями и потрясениями. В России образ отца сложился в результате влияния культурно-исторического стереотипа мужского характера и тяжёлых исторических событий, таких как войны, репрессии и тоталитаризм.

Подытоживая всё вышесказанное следует еще раз отметить, что значение фигуры отца в развитии личности ребенка тесно связано с культурно-историческим контекстом. В современном обществе, несмотря на то, что мы всё также живём в патриархальной культуре, от отца ожидается большая включенность в семейную систему, чем в XX веке, а также от него требуется проявление любви и заботы по отношению к детям.

1.2.2. Обзор основных теоретических представлений о роли отца

Научное исследование роли отца в психическом развитии ребенка уходит корнями в психоаналитическую традицию начала XX века. В сочинениях Фрейда (1997, 2000) встречаются следующие описания восприятия ребенком отца: отец как объект любви, восхищения, идентификации; человек, заботящийся на физическом уровне; могущественная богоподобная фигура; утешитель и защитник; запрещающий, враждебный авторитет.

По прошествии Второй мировой войны психоаналитики развернули курс исследований в сторону фигуры матери и в большей мере описывали диаду мать-ребенок. Мелани Кляйн, А. Фрейд, М. Малер описывали симбиотические отношения с матерью на ранних стадиях развития ребенка, а также проблемы сепарации и индивидуации (Кляйн М., 2001; Тайсон Ф., Тайсон Р., 1998; Винникотт Д., 2002).

Развивающаяся теория объектных отношений не только сместила акцент с отца на мать, но и устремила интерес ученых к формированию внутренних объектов (интроектов) (Etchegoyen A., 2002). Однако именно благодаря этой теории были разработаны значимые положения о важности образа отца и его роли в развитии ребенка и подростка. В психоанализе термин «объект» изначально описывал человека, на которого была направлена либидозная энергия субъекта. Происходит он еще из ранних представлений Фрейда о наличии источника (телесного напряжения), цели (типа биологического удовлетворения) и объекта (на которого направлены агрессивные и

сексуальные импульсы) [10]. Впервые с позиций данного направления психоанализа об отце говорится в период генитальной фазы развития ребёнка или в Эдипов период развития объектных отношений дети от трёх до шести лет). Задачей этой стадии является «освоение ребёнком триадных отношений отец-мать-ребёнок» (Васильева, 2005, с. 116). На этом этапе ребенок стремится угадывать и реализовывать все желания родителя. В связи с этим перед ребенком встаёт новая задача: «стать таким же большим, сильным и умным как папа» (Васильева, 2005, с. 117), то есть его желание стать совершенным для родителя откладывается на более поздний возраст, однако этому желанию никогда не суждено исполниться. Анна Фрейд [10] обращала внимание на то, что конфликты, лежащие в основе Эдипового периода – нормальны и их разрешение приходится на следующие два-три года. При этом растёт идентификация с идеальным образом родителя своего пола и помогает ребёнку обеспечить себя надёжным источником позитивной самооценки. Как раз следующую, латентную фазу (дети от семи до десяти лет) Анна Фрейд определяет, как характеризующуюся выходом из «треугольных» отношений с родителями и поиск новых идентификаций со сверстниками. В предподростковый период нарастает чувство враждебности (конфликты с родителями) которое позволяет детям внешне отвергнуть то, что внутренне им жизненно важно – родителей, и этот процесс становится основой окончательного отделения от матери и отца в подростковом возрасте (вторичной индивидуации).

Также в XX веке возникает теория привязанности Боулби, которая делает акцент исключительно на ранних материнско-детских отношениях: изучается качество ранней привязанности к матери, способность матери удовлетворять потребности младенца, а также его внутренние рабочие модели, которые формируются за счёт отражения ребенком собирательного опыта отношений с ранним объектом привязанности, чаще с матерью (Боулби Д., 2003, 2004; Grossmann K. и др., 2002; Bretherton I., 1997; Trowell J., 2002). Центральное значение в такой модели занимают принятие матерью своего ребенка и её

доброжелательность, что в последствии переносится на отношения с другими людьми. Ролью же отца, исследователи заинтересовали намного позже, и в фокус внимания попали такие характеристики отцовско-детских отношений как его чувствительность к нуждам малыша, качество привязанности младенца к фигуре отца и влияние этих особенностей на его психическое развитие. Изначально исследования в этой области велись по схожему принципу, что и изучение качества отношений ребенка с матерью (Grossmann К. и др., 2002; Lamb М., Lewis С., 2004), однако организованный тест «Незнакомой ситуации» М. Эйнсворт показал неоднородные результаты и поставил под сомнение надежность использования данного метода для изучения привязанности ребенка к отцу. В итоге исследователи обратились к исходным положениям Боулби о том, что отец является компаньоном в игре с ребенком, что привело к продвижениям в изучении данной проблемы.

Современные ученые отмечают, что характер ранних взаимоотношений ребенка с родителями и качество его привязанности к матери и отцу оказывают существенное влияние на его эмоциональное состояние и поведение в подростковом возрасте. Подростки также испытывают сильную потребность в любви, интересе к их личности со стороны родителей, в доверии, признании и одобрении, а также поощрении их автономности (Lamb М., Lewis С., 2004, Parke R. и др., 2004).

Возникновение семейной психотерапии позволило сделать подход к изучению роли отца более целостным, в контексте семейной системы. Теперь отец рассматривается не только как кормилец, в поле зрения исследователей попадают такие его роли в семье как: компаньон, защитник, супруг (Lamb М., Tamis-Lemonda С., 2004).

В рамках семейной психологии проводились даже исследования роли отца в развитии шизофрении подростков. Американский психоаналитик Т. Лидз первым сделал выводы о значимой роли отца в развитии этого заболевания. Среди причины возникновения шизофрении у подростка Т. Лидз

основной считает патологические отношения с отцом, а не с матерью, как считают большинство психоаналитиков (Lidz, Cornelison, Fleck, Terry, 1957).

Зарубежные исследователи – представители психологии развития, также не обошли вниманием роль фигуры отца в развитии личности и предложили несколько моделей, иллюстрирующих механизм влияния отца на формирование психики ребенка. М. Лэм описал модель отцовской вовлеченности, которая основывается на понятиях как вовлеченность, доступность и ответственность. (Lamb M., Lewis C., 2004). Вовлеченность понимается как непосредственное взаимодействие отца и ребенка во время ухода за ним, совместной игры или любой другой досуговой деятельности. Ответственность описывается как контроль за удовлетворением основных нужд и потребностей ребенка. Под доступностью понимается потенциальная возможность вступить здесь и сейчас во взаимодействие с ребенком. Эта модель удобна для исследователей, так как позволяет качественно и количественно измерить описанные конструкты и сопоставить их с качеством жизни ребенка (Pleck, Masciadrelli, 2004; Mc Bride и др., 2005).

Р. Рунер использует в своей концепции такие понятия как отцовское принятие и отвержение. По его мнению, на основе данных категорий строится модель «отцовской любви» (Rohner R., 1998). Отцовское принятие выражается в проявлении им заботы, теплоты, привязанности к ребенку, а отвержение означает отсутствие данных проявлений или действия противоположные им. Ряд авторов описывает «позитивное» и «негативное» отцовствование и его влияние на развитие психики ребенка.

В отечественной психологии долгое время существовала лишь одна модель, описывающая типы взаимоотношений отцов и детей, принадлежащая Б.И. Кочубею (Б.И. Кочубей, 1993). Данную модель можно представить в виде графика, где на одной оси координат отмечены «участие – пренебрежение», а на другой «отношение к ребенку «на равных» и отношение к ребенку «сверху вниз». В итоге можно выделить четыре типа взаимодействий:

- 1) «Участие» - «на равных». Данный тип взаимоотношений характеризуется проявлением заботы со стороны отца и предоставлением необходимой свободы ребенку.
- 2) «Участие» - «сверху вниз». Такая комбинация предполагает авторитарную, контролирующую все сферы жизни ребенка, позицию отца в семье.
- 3) «Пренебрежение» - «сверху вниз». Крайне негативный для развития ребенка тип взаимоотношений с отцом, где последний является грубым и игнорирующим потребности ребенка.
- 4) «Пренебрежение» - «на равных». В данном случае подразумевается, так называемый «отсутствующий отец».

1.2.3. Механизмы формирования образа отца

Само понятие «образ отца» понимается авторами по-разному. А.В. Литвинова и Н.Г. Большакова [33] дают следующее определение: «восприятие ребенком различий психологических качеств отца и матери, определяющих развитие его будущей личности». А.А. Соловьева [48] предлагает разделять образы реального и идеального родителя, а также образ себя как родителя. Калина и Холмогорова [20] определяют образ отца как важную структуру, которая формируется с рождения, подвергаясь влиянию внутренних (проекции, фантазии) и внешних (общение со значимыми родными, культурные стереотипы и непосредственное взаимодействие с отцом) факторов, а также отражающая физическую, интеллектуальную и эмоциональную составляющие фигуры отца. Между указанными факторами существует сложная взаимосвязь, например, ребенок чувствует отношение матери к отцу, но может пропускать его через призму собственных фантазий и проекций.

Если следовать предположению о врожденном знании ребенка об отце (Krampe E., 2003; Etchengoyen A., 2002), то оно являет собой некую матрицу, на основе которой ребенок строит родительский образ. Также ребенок использует

непосредственные взаимодействия с отцом, соотнося их со своими фантазиями и проекциями.

В период раннего развития, по данным Д.Узеля очень значима связь между частичными объектами отца и матери. Если будет наблюдаться перевес в сторону материнских объектов, то они будут «поглощать всё и вся». Отцовские объекты позволяют уравновесить эту систему и, если этого не происходит, то появляются «фантазии изоляции частичных отцовских объектов» (Узель Д., 2005, с. 121).

Дети четырех-пяти лет как правило испытывают негативные чувства по отношению к отцу, воспринимают его как соперника. Фантазии детей в этот период ощущения брошенности имеют цель дистанцирования от родителей и строятся вокруг идеи, что ребенок является приемным, а его родители не настоящие. А в подростковом возрасте фантазии детей соотносятся с реальностью, в результате чего образы родителей деидеализируются и приближаются к действительности (Тайсон Ф., Тайсон Р., 1998). Теперь образ родителя критикуется, приносит разочарование (Blos P., 1970). Происходит конфликт между идеализированным образом родителя и пока еще неполноценным образом себя. Порой происходит даже разрушение внутреннего объекта, сравнимое по ощущениям с внутренним убийством отца или матери (Тайсон Ф., Тайсон Р., 1998).

Питер Блос и Х. Кохут пришли к выводу, что данный механизм разочарования необходим для формирования нового, более объективного образа родителей, который выступает в качестве надежной и устойчивой психологической структуры, выполняющей функции предыдущего образа. Однако, если деидеализация происходит резко и неожиданно, это напротив не ведет к устойчивости психики (Blos P., 1970, Х. Кохут, 2002).

Д.П. Кляuzова и Мохов В.А. [24] в своем исследовании подростков с психосоматическими заболеваниями пришли к выводу, что у больных подростков рассогласованность между идеальным и реальным образом отца выше, чем у здоровых, особенно по таким параметрам как поддержка, забота и

понимание. Гельмут Фигдор [57] отмечает, что отсутствие взаимоотношений с реальным отцом приводит к искажению его образа, возникает риск идеализации или пренебрежения, что нарушает половую идентификацию детей обоих полов. Такое восприятие отца превращается во внутренний объект и ведет к искаженным представлениям о самом себе. Так, например, С.А. Осинская и Н.А. Кравцова [40] в своем исследовании созависимости пришли к выводу, что у созависимых личностей из неполных семей чаще встречается положительный, идеализированный образ отца. Также было выявлено рассогласование между идеальным и реальным образом у респондентов с сильной степенью созависимости. При этом реальный образ отца имеет ярко выраженную негативную характеристику, а в идеальном образе присутствуют только позитивные характеристики и отсутствуют отрицательные. Авторы показали, что созависимость больше зависит от образа отца, чем от образа матери и степень созависимости, тем сильнее, чем более отрицателен образ отца [40].

На значимость согласованности идеального и реального образов отца указывают также С.Т. Посохова и С.В. Липпо [41]. Их исследование показало, что у взрослых мужчин и женщин данное условие является необходимым для успешной самоактуализации.

Итак, образ отца начинает развиваться еще в раннем детстве, играет важную роль в развитии психики ребенка, проходит ряд изменений и при благополучном развитии к наступлению подросткового возраста деидеализируясь, приближается к объективной действительности.

1.3. Роль отца в развитии ребенка

Калина и Холмогорова в своей работе предлагают на основе анализа представлений психоаналитиков, основоположников теории привязанности и представителей системного подхода выделить следующие значимые роли отца: отец как Третий, как мужчина, муж матери ребенка и родной человек. [20]

1.3.1. Отец как Третий

Отец как Третий дополняет диаду «мать-ребенок» и помогает нормальному протеканию процесса сепарации от матери. Для того, чтобы преодоление ребенком первоначальных симбиотических отношений с матерью произошло успешно, отец должен обладать следующими качествами: особая значимость для матери и ребенка, большая удаленность от ребенка по сравнению с матерью, чувствительность к потребностям ребенка (Marks M., 2002., Тайсон Ф., Тайсон Р.б 1998, Davids F., 2002, Krampe E, 2003; Diamond M., 2004; Target M., Fonagy P., 2002).

Существует ряд исследований, выдвигающих предположения о том, когда впервые ребенок узнает об этом «Третьем». Некоторые представители психоанализа говорят о бессознательном знании ребенка об отце (Krampe E., 2003; Ethengoyen A., 2002). В Юнгианской психологии данный феномен объясняется врожденным присутствием отцовского и материнского архетипов. Эти интуитивные знания формируют первичный образ отца, который достраивается позже за счет расширения взаимодействий отца и ребенка (Ethengoyen A., 2002). Другая точка зрения выражается в том, что об отце, как о Третьем ребенок узнает от матери (Marks M., 2002; Diamond M., 2004). Мать помогает ребенку сформировать первичное символическое представление об отце, что дополнительно к этому позитивно сказывается на его когнитивном развитии (Ethengoyen A., 2002).

1.3.2. Отец как мужчина

Очевидно, что сам пол отца также оказывает значительное влияние на развитие детей. Отец как мужчина – важная роль, проявляющаяся через совместную игру, передачу знаний об окружающем мире, а также являющаяся необходимым условием половой идентификации как мальчиков, так и девочек (Млодик И.Ю., 2012; Ширз-Леонард Л., 2011; Винникотт Д., 2015). В теории привязанности говорится о том, что отец во время игры с детьми выполняет

функцию поддержки, обеспечения безопасности, а также поощряет их исследовательское поведение (Grossmann К., и др., 2002). Российский гештальт-психолог В. Филипенко [58] в своих лекциях говорил о том, что отец помогает сыну выстроить представление об иерархии, что впервые проявляется через игру. По его словам, отец, позволяя мальчику выиграть, но оставаясь в итоге победителем, стимулирует его развитие, а также показывает свой авторитет. Он также высказывался о роли отца как Третьего, помогающего отделиться от матери и о решающем значении отца в процессе формирования маскулинности мальчиков и чувства женственности у девочек.

В классическом психоанализе много говорится о роли отца в формировании половой и ролевой идентичности детей. В течение первых двух лет жизни мальчики идентифицируются с матерями и, чтобы принять на себя мужскую роль им нужно успешно деидентифицироваться с матери на отца для установления прочного чувства маскулинности. Главным условием этого процесса является ощущение отличности от матери, для чего и требуется мужчина в семье – отец, который выступает новым объектом идентификации. Отец позволяет смягчить конфликт отделения от матери, а также играет центральную роль в формировании поло-ролевой модели поведения, позволяя отделить мужское от женского. Идентификация с отцом позволяет стабилизировать телесный образ мальчика. Если же отец недоступен, то уверенное чувство маскулинности у мальчика будет нарушено. Приближаясь к фаллической стадии развития, мальчик всё больше идеализирует отца и хочет быть похожим на него и жаждет его поощрения. Так же, как и в развитии девочек, в последующей Эдипальной стадии мальчик хочет иных взаимодействий с матерью. На данной стадии мальчики завидуют анатомии противоположного пола, хотя и ценят собственное тело. В латентной фазе появляются новые социальные возможности для обыгрывания мужской роли, но также сохраняется чувство тревоги и как следствие преувеличение своей силы, а прочное ощущение маскулинности базируется на идентификации с отцом. В подростковом возрасте усиливаются конфликты всех

предшествующих стадий развития, негативные Эдиповы желания возникают с новой силой, и мальчик начинает сближаться со сверстниками своего пола, что приводит к страхам гомосексуальности. Постепенно мальчик разрешает конфликт выбора объекта, и к достижению взрослости имеет стабильные половую идентичность и сексуальную ориентацию (Васильева Н.Л., 2005).

Юнгианский аналитик, Линда Шерз Леонард [31] описала влияние отца на развитие женщины. Во-первых, отец является первой маскулинной фигурой в жизни девочки, что определяет её отношение к собственной маскулинности, а также её итоговое отношение к мужчинам в целом. Во-вторых, как уже было отмечено выше, отец помогает дочери сформировать свою индивидуальность, так как он является «Другим» - третьей фигурой, отличающейся от дочери и матери. В-третьих, от его отношения к феминности дочери, зависит то, как она будет формироваться как женщина. Также важную роль отец играет в развитии адаптации девочки к проблемам внешнего мира, способности к конфронтации. Его отношение к работе и успешности отражается на деятельности будущей женщины. Важно отметить, что отец определяет для дочери такие идеалы, как ответственность, умение принимать решения, объективность, порядок и дисциплина, также формирует у нее модель авторитета.

Васильева Н.Л. [10] также отмечает роль отца в формировании чувства женственности у девочек. В её руководстве говорится о том, что во время ранней генитальной фазы развития девочки испытывают разочарование от обнаруженных половых различий и именно отец помогает справиться с этими чувствами, проявляя восхищение дочерью.

Нельзя также не отметить существенный вклад в развитие ребенка уровня феминности и маскулинности самого отца. В норме отец помогает регулировать агрессивные импульсы детей, на что указывают многие исследователи (Васильева Н.Л., 2005; Blundell. S., 2002; Шаллер Д., 1998).

В частности, мальчикам трудно построить идеальный образ родителя, если отец обладает гипермаскулинностью и проявляет чрезмерную строгость, это усиливает тревогу ребенка. Нередко такой отец становится преследующим,

враждебным и его представления о собственной непобедимости приводят к чрезмерной состязательности с сыном, к насмешкам над ним ради его «выносливости». Всё это приводит к защитной агрессии и преувеличенной демонстрации силы как следствие идентификации с агрессором. Млодик И.Ю. отмечает, что здоровое отцовство – это здоровая конкуренция, которая не «глушит из-за безотчетного страха быть превзойденным», а стимулирует развитие (Млодик И.Ю., 2012, с.81).

Отцовская пассивность и беспомощность также приводит к нарушению чувства безопасности у мальчика. (Васильева Н.Л. 2005; Сокаридес Ч., 1998). Кон (2006) описывает ситуацию, когда женщина зарабатывает больше мужчины, в этом случае ребенок может начать проявлять жалость к отцу, вместо уважения, а его неудачи воспринимать как собственные. В результате усиливается тревога, депрессивная симптоматика и падает самоуважение.

Климова С.А. [22] и соавторы провели исследование образа отца и выяснили, что восприятие отца как контролирующего особенно пагубно влияет на юношей, и ведет к вышеописанным проявлениям. Для младших подростков мальчиков такое восприятие отца связано с низкой маскулинностью и с феминностью. Восприятие отца как эмоционально теплого, наоборот ведет к уменьшению тревоги и депрессивных проявлений у всех возрастных и половых групп детей. Однако у девочек старшего подросткового возраста представления об отце, как об эмоционально холодном также связаны с выраженной феминностью. Также эмпирические данные свидетельствуют о большей феминности девочек и маскулинности мальчиков младшего подросткового возраста в случае представлений об отце как предоставляющем автономию.

1.3.3. Отец как муж матери ребенка

Также одним из решающих факторов в развитии детей является качество отношений между отцом и матерью [20]. Отец существует в семейной системе

не сам по себе, а еще и как муж матери, формируя представления о семейной иерархии. (Marks M., 2002; Britton R., 2000).

Исследователи [18] отмечают, что для успешного развития детей необходимо продолжение любовных отношений между родителями, после рождения ребенка, в противном случае ребенок выполняет замещающую мужа функцию для матери.

Калина О.Г. и соавторы [21], в своей работе показали значимость родительских образов и представлений о родителях как о паре на уровень развития механизмов защиты у психически неблагополучных юношей. Как уже упоминалось, классификация механизмов защит является одним из существенно важных представлений об «образе Я». Они играют значимую роль в построении позитивного представления о собственном Я. В данной работе эмпирически было выявлено, что представление о родителях как о паре, а также эмоционально позитивные и поддерживающие внутренние репрезентации каждого из родителей ведут к уменьшению доли незрелых механизмов защит и их выраженности у психически неблагополучных юношей. Представление же о родителях как о контролирующих и холодных ведет к большей выраженности первичных незрелых механизмов защиты.

Отдельно стоит отметить, что для интеграции внутреннего мира ребенка очень важен процесс осознания своей исключенности из материнско-отцовских отношений, а также ощущения зависти к этим отношениям (Britton R., 2000). Бриттон полагает, что восприятие третьей связи – между двумя родителями важно для развития навыков взаимодействия с другими людьми, что в конечном итоге ведет к эмоциональному благополучию и стабильной идентичности (Britton, 2000). Существует предположение о том, что отец в фантазиях ребенка – это человек, ради которого мать может покинуть (когда она уходит к нему в спальню, например), поэтому он становится мишенью для негативных эмоций и переживаний. Ненависть к отцу выступает проекцией собственных тяжелых переживаний исключенности из родительских отношений (Davids M., 2002).

В монографии Васильевой [10] подробно излагается данный механизм. В частности, принятие женской половой роли становится основой для перехода в эдипову стадию. Это позволяет сформировать фантазии занять место матери в отношениях с отцом. Идентифицируясь с ролью матери в этих отношениях, девочка стремится выйти из роли дочери и стать объектом папиной любви и хозяйкой дома. Желание быть единственным объектом любви отца, и фантазия о замужестве развивается из-за идеализации материнской фигуры и удовлетворения от появившегося ощущения женственности. Восприятие отца больше как объекта любви, а не как родителя помогает окончательно перейти к гетеросексуальной ориентации. Мать теперь воспринимается как соперница, но не отвергается девочкой. На данном этапе важна также и безусловная любовь матери, так как девочка может ощущать обеспокоенность в том, что фантазии об отце приведут к разрушению отношений с матерью. Если какие-то предыдущие конфликты вторгаются в эдипальную фазу, у девочек возникают трудности с отделением от матери и появляется чувство вины за фантазии об отцовской любви, что может привести к регрессу поведения, отправляя девочку к ранней привязанности и инфантильной зависимости, и отказу от соревнования с матерью (Васильева Н.Л., 2005).

То же самое относится к мальчикам. Если мать недооценивает отца, это замедлит отделение сына от матери, так как он будет бояться, что его тоже будут обесценивать как мужчину. Если же деидентификация проходит успешно, мальчик также как в случае развития девочек, хочет занять место отца в отношениях с матерью, проявлять больше маскулинности по отношению к ней. Появляется уже непосредственное соперничество с отцом взамен доэдипового соревнования за внимание. Теперь мальчик идентифицируется с соперником, чтобы занять его место и еще больше хочет быть на него похожим. Наряду с этим появляется чувство вины за фантазии о любовных отношениях с матерью и страх мести отца. Эти негативные чувства побуждают мальчика отказаться от своих желаний и отложить их на более поздний период, в котором они со временем модифицируются (Васильева Н.Л., 2005).

Интеграция родителей как пары важна не только для маленьких детей, но и в подростковом возрасте. Прочная супружеская пара выступает в этом случае как плотина для мощных агрессивных импульсов ребенка, восставшего против взрослого мира. Родители должны обеспечить поддержку и выдержать разрушительные переживания подростка, а для этого им самим нужно сохранить цельный союз. (Д. Винникотт., 2002).

В рамках системного подхода М. Боуэн [7] отмечал, что психические расстройства являются следствием не только нарушенных эмоциональных связей родителей с ребенком, но и проблемы в отношениях между супругами. Главное отличие семейного подхода от теории объектных отношений в данном контексте заключается в том, что психотерапевтическая работа будет направлена не на внутренний образ родителя, а на отношения в семье в целом. В семейной психотерапии все процессы рассматриваются как взаимозависимые. М. Боуэн считал, что особенно пагубным для развития ребенка оказывается слабая позиция отца и доминантность матери. В таком случае работа терапевта должна быть направлена на усиление фигуры отца, уменьшение его страха ответственности, а также на осознание матерью своей готовности занимать лидерскую позицию (Боуэн М., 2005).

1.3.4 Отец как родной человек

Отец ребенка может быть и приемным, в связи с этим возникает вопрос о значимости родственности отца, как человека, имевшего сексуальные отношения с матерью, результатом которых является ребенок (Дольто Ф., 2003). Исследователи указывают на важное значение представлений ребенка о себе как потомке двух родов. (Шутценбергер А., 2001, Дольто Ф., 2003).

М. Боуэн [7] был одним из тех, кто впервые обратил внимание на важное значение феномена преемственности поколений. Он утверждал, что уход отца из семьи имеет негативные последствия для эмоционального благополучия детей. В целом на бессознательную связь со своим папой и его отцом,

прослеживающуюся в нескольких поколениях указывали многие авторы. Такая передача поколений выражается в таких феноменах как семейные мифы [8], «синдром годовщины», описанный Д. Хиллгардом и А. Шутцербергером [66], «синдром склепа и призрака», сформулированный Н. Абрахамом и М. Терек [66], «синдром скрытой лояльности семье» И. Бузареми-Надем [66], что подразумевает неосознанную идентификацию с погибшим или пропавшим членом семьи. В советское время многие семьи столкнулись с трагедией репрессированных мужей, и в таком случае отца считали умершим, на обсуждение его истории накладывалось табу, и в итоге это событие становилось семейным секретом (Боуэн М., 2005; Варга А., Хамитова И., 2005).

Для формирования представлений о себе как о продолжателе рода, носителе фамилии очень важно знание о своем биологическом отце. Даже если ребенок живет с отчимом, или мать не знает, кто является отцом (в случае искусственного оплодотворения), для ребенка необходимо знание своей родословной и понимание того, что у него как у всех есть два родителя. (Дольто Ф., 2003). Некоторые психологи считают, что в случае развода родителей, отношения с отцом модифицируются, но не заканчиваются, он продолжает существовать в психике ребенка в виде образа или внутреннего объекта (Фигдор Г., 1995, Davids M. 2002; Marks M., 2002; Britton R., 2000; Grossmann K. И др., 2002; Blos P., 1970; Тайсон Ф., Тайсон Р., 1998).

Однако следует отметить, что неполные семьи встречаются не только с проблемой отсутствия отца, но также и с материальными трудностями, ограничением круга общения внутри семьи, а также с личными проблемами матерей, воспитывающих детей без супруга [25]. Все эти негативные моменты также отражаются на переживаниях ребенка, которые нельзя механически сводить лишь к отсутствию отца в семье. Некоторые исследователи считают даже, что дети, растущие без отцов, вопреки расхожему мнению, могут развиваться благополучно (Фигдор Г., 1995, DeKlyen M., и др., 1998; Lamb M., Lewis C., 2004; Davids M., 2002). В частности, Шутценбергер [66] предполагает, что для успешного развития необходимо базовое доверие к миру, которое

может обеспечить любой другой близкий и любящий человек, заменяющий отца. В дополнение, у детей из полных семей также встречаются симптомы, которые принято относить к детям из неполных семей: высокий уровень тревожности, социальная некомпетентность, спутанная идентичность и другие проблемы, которые по мнению И.С. Кона [25] являются малоизученными и компенсаторными механизмами социализации, отражающими характер воспитательных усилий.

Таким образом, для ребенка, воспитывающегося матерью, важны знание об отце, проработка травматического опыта, а также замещающие фигуры в окружении.

1.4. Выводы по первой главе

- 1) Обобщая теоретические данные можно представить «образ Я» в виде структуры, которая отвечает за регуляцию поведения и включает в себя следующие компоненты: смысложизненные ориентации; когнитивный; аффективный; конативный. В психологии можно выделить множество подходов, изучающих в тесной связи «Я-концепцию», «Образ Я» и самосознание личности с разных теоретических позиций как дополняющих друг друга, так и содержащих противоречия.
- 2) Значение фигуры отца в развитии личности ребенка тесно связано с культурно-историческим контекстом. В современном обществе, несмотря на то, что мы всё также живём в патриархальной культуре, от отца ожидается большая включенность в семейную систему, чем в XX веке, а также от него требуется проявление любви и заботы по отношению к детям.
- 3) Образ отца начинает развиваться еще в раннем детстве, играет важную роль в развитии психики ребенка, проходит ряд изменений и при благополучном развитии к наступлению подросткового возраста деидеализируясь, приближается к объективной действительности.

- 4) Для ребенка, воспитывающегося матерью, важны знание об отце, проработка травматического опыта, а также замещающие фигуры в окружении.

Глава 2. Методы и организация исследования

2.1. Описание выборки

В исследовании приняли участие 120 человек (77 девушек и 43 юноши) в возрасте от 19 до 25 лет, не состоящие в браке.

Из них экспериментальная группа: 55 человек (36 девушек и 19 юношей). Контрольная группа: 65 человек (41 девушка и 24 юноши).

Выборка была набрана в интернете и по объявлениям в высших учебных заведениях (СПбГУ и «ЛЭТИ») на основании составленной анкеты (Приложения А1 и А2), позволяющей отобрать участников исследования по интересующим критериям.

Процедура сбора данных проводилась с помощью электронных google-форм, а также с каждым участником имелся личный контакт при встрече или с использованием программы skype, в зависимости от географического положения респондента. Выполнение батареи тестов занимало в среднем 1.5 часа.

Отдельно стоит отметить большое количество обращений, связанных с желанием принять участие в исследовании образа отца. В связи с ограничениями критериев выборки, только половина обратившихся смогли поучаствовать в данном исследовании.

Также следует обратить внимание на то, что респондентам из экспериментальной группы свойственно большее сопротивление по сравнению с контрольной группой, особенно трудно было мотивировать к продолжению участия в исследовании юношей из неполных семей.

2.2. Методы исследования

1. Тест-опросник самооотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев)

Опросник содержит 62 утверждения, с которыми испытуемые могут согласиться или выразить несогласие. В инструкции испытуемым указывалось, что им будет предъявлен личностный опросник, который не предполагает правильных и неправильных ответов. Данный опросник позволяет выявить три уровня самооотношения, отличающиеся по степени обобщенности: 1) глобальное самооотношение (Шкала S): внутреннее недифференцированное чувство «за» и «против» самого себя, 2) самооотношение, дифференцированное по самоуважению, аутосимпатии, самоинтересу и ожидаемому отношению к себе; 3) уровень конкретных действий (готовностей к ним) по отношению к своему «Я» (шкалы 1-7).

В итоге анализу подвергаются следующие 12 параметров самооотношения:

- Шкала S (глобальное самооотношение)
- Шкала I (самоуважение)
- Шкала II (аутосимпатия)
- Шкала III (ожидаемое отношение от других)
- Шкала IV (самоинтерес)
- Шкала 1 (самоуверенность)
- Шкала 2 (ожидаемое отношение других к себе)
- Шкала 3 (самопринятие)
- Шкала 4 (саморуководство)
- Шкала 5 (самообвинение)
- Шкала 6 (самоинтерес)
- Шкала 7 (самопонимание)

2. Методика «Кто Я?» (М.Кун, Т. Маркпартлэнд).

Данный тест был использован для изучения содержательных характеристик идентичности личности.

Инструкция испытуемым давалась устно, им требовалось как можно быстрее написать 20 утверждений, отвечающих на вопрос «Кто Я?». Вопрос напрямую связан с характеристиками собственного восприятия человеком

самого себя, то есть с его образом «Я» или Я-концепцией. Испытуемым сообщалось лишь то, что время выполнения методики ограничено, однако им было не известно, что оно составляет 12 минут.

3. Модификация методики «Кто Я?» (М.Кун, Т. Маркаптрленд)

Для того чтобы исследовать образ отца нами была использована инструкция к методике Куна. После завершения работы с утверждениями о себе, испытуемым предлагалось так же за ограниченное время сформулировать 20 утверждений об их родном отце.

4. Метод мотивационной индукции (Ж. Нюттен, в адаптации Н.Н. Толстых)

Основан на методике незаконченных предложений. В адаптации Н.Н. Толстых представляет собой перечень из 20 положительных и 10 негативных индукторов. Каждый индуктор представляет собой незаконченное предложение, которое испытуемому необходимо закончить.

Каждый ответ кодируется в соответствии с его содержанием и темпоральным знаком.

В зависимости от содержания и расположения во временной перспективе, каждому индуктору присваивается символ. Для обозначения расположения индуктора во времени нами были отобраны следующие символы:

T – Настоящий момент, время проведения ММИ;

P – прошлое;

DWM – Актуальное настоящее (день-несколько месяцев);

Y – в течение года-двух;

E – Актуальное будущее (период обучения до его завершения);

A – долгосрочное будущее (после завершения обучения);

O – пожилой возраст;

I – открытое настоящее;

X – будущее после смерти;

L – обращение ко всему периоду жизни;

x – историческое будущее

Для обозначения мотивационного содержания индуктора нами были отобраны следующие символы

S (self) - мотивационные объекты, относящиеся к некоторым аспектам личности самого субъекта: «...быть умным»; «...быть здоровой»

SR (self-realization) - действия или стремления субъекта, направленные на развитие (актуализацию) его самого (саморазвитие): «стать успешным человеком»; «...развить стороны своего характера»

R (realization) - всякая активность, или «работа», нацеленная на производство некоторых полезных объектов (в противоположность досуговой активности): «осуществить план или проект», «вымыть машину»

R2 - профессиональная деятельность: «найти работу», «помогать пациентам»

R3 - учебная деятельность: «успешно сдать экзамены», «писать конспекты»

C (contact) - мотивационные объекты, включающие социальные контакты: «иметь много друзей», «встречаться с девушкой»

Ex (exploration) - активность в связи с получением информации, познанием, исследованием и т.д.: «...хорошо изучить историю»

Tr (transcendental) - мотивационные цели или ценности, имеющие религиозную, экзистенциальную или трансцендентальную природу: «...найти смысл жизни»

P (possessions) - желание обладать чем-то, иметь, приобретать что-то: «...иметь машину»; «...купить дом»

L (leisure) - активность, связанная с отдыхом, игрой, досугом (противоположное работе): «...чтобы побыстрее выйти на пенсию»; «...съездить на дачу»

T (test) - все ответы, касающиеся проводимого теста ММИ: «...чтобы этот тест, побыстрее кончился»

Spre психологическое и физическое самосохранение

S3 (f;a;e) - желание счастья и здоровья для близких людей

C, H - альтруистические устремления

Saut - психологическая и экономическая автономия

Sapt - развитие способностей: «научиться игре на гитаре, выучить язык»

C2 - желание признания и любви и поддержки окружающих людей

U (unclassified) - неклассифицируемые и пропущенные ответы: «...с Луны свалиться».

5. Сокращенный вариант методики «незаконченные предложения» (Дж. Сакс – С. Леви). Испытуемым было необходимо продолжить незавершенные предложения.

Для контент-анализа ответов респондентов и статистической обработки нами были отобраны следующие показатели:

- Отношение к отцу
- Отношение к себе
- Нереализованные возможности
- Отношение к будущему
- Страхи и опасения
- Отношение к противоположному полу
- Отношение к матери

Анализ ответов и отнесение их к категориям происходил путем оценивания экспертом завершенных предложений по следующей шкале: -2 (резко негативное высказывание), -1 (негативное высказывание), 0 (нейтральное высказывание), +1 (позитивное высказывание), +2 (очень позитивное высказывание).

Каждому из перечисленных выше показателей соответствует ровно по 4 предложения. Показатель рассчитывался как сумма баллов, приписанных исследователем 4-м соответствующим показателю предложениям.

6. Модифицированный вариант методики Дембо-Рубинштейн

Для выполнения данной методики нами был отобран перечень личных качеств, таких как здоровье, уверенность в себе, успешность, умение ладить с людьми, интеллект и внешность. Участникам исследования предлагалось на

вертикальных линиях отметить определенными знаками уровень развития у них этих качеств (показатель самооценки) и уровень притязаний, т. е. идеальный уровень развития этих же качеств, который бы удовлетворял их. Каждому испытуемому предлагается бланк методики, содержащий инструкцию и задание.

На бланке изображено шесть линий, высота каждой — 100 мм, с указанием верхней, нижней точек и середины шкалы.

После завершения оценивания себя по перечисленным выше параметрам, респондентам предлагалось отметить на втором бланке уровень развития предложенных качеств с точки зрения того, как их оценивают окружающие люди.

7. Опросник расщепленности родительских репрезентаций (А.Б. Холмогорова, Е.В. Полкунова).

Данная методика позволяет изучить разрыв между образом реального и идеального родителя. Нас интересовал образ идеального отца. Проведение методики включало два этапа:

1. На первом этапе испытуемым предлагалось составить список качеств идеального отца и проранжировать их в порядке убывания значимости.

2. На втором этапе респонденту было необходимо проставить соответствие каждого указанного качества реальному отцу.

При обработке подсчитывается индекс расщепленности между реальным и идеальным образом отца. Индекс подсчитывается следующим образом: качества, помещенные в соответствующий столбец, получают порядковый балл 1, 2, 3, 4. Затем подсчитывается общая сумма баллов, которая делится на количество выделенных на первом этапе качеств. Соответствующая цифра дает нам искомый индекс.

2.3. Математико-статистические методы обработки данных

Математико-статистическая обработка осуществлялась с помощью программы RStudio.

В соответствии с целями исследования использовались корреляционный анализ критерием r-Пирсона и r-Спирмена; сравнение средних значений непараметрическим критерием U-Манна-Уитни; критерий χ^2 -Пирсона.

Для проведения корреляционного анализа была сделана поправка на множественные сравнения методом Холма-Бонферрони, так как, когда мы проверяем 100 гипотез (что часто встречается в корреляционных матрицах) и каждую с вероятностью $p < 0.05$, то это значит, что 5 наших гипотез из 100 могут оказаться значимыми чисто случайно. Чтобы этого избежать, проводится поправка на множественные сравнения, которая исключает те связи, которые кажутся значимыми, но возникли случайным образом. Перед сравнениями все шкалы прошли проверку на нормальность с помощью Шапиро-текста.

Глава 3. Результаты исследования и их обсуждение

3.4. Представление результатов

Корреляционный анализ показал следующие связи на уровне статистической значимости ($p < 0,05$) (приложение Б):

- 1) Прямая связь между показателями «рефлексивное Я» отца и «рефлексивное Я» участников исследования.
- 2) Прямая связь между показателями «социальное Я» отца и «социальное Я» респондентов.
- 3) Обратная связь между показателями «социальное Я» отца и «рефлексивное Я» юношей и девушек.

Данные результаты могут говорить о том, что представления о себе как о личности и представления об отце как о личности оказываются связанными, и, в этом смысле, мы не обнаружили различий между теми, кто воспитан в неполной семье только матерью, и теми, кто вырос в полной семье. Фактическое отсутствие отца в жизни молодых людей принципиально не нарушает формирование их представлений о себе, хотя его образ частично связан с формированием собственного «образа Я».

То же самое можно сказать о представлении о себе, как об элементе социальной среды, которое связано с представлением о «социальном Я» отца и также не зависит от его реального присутствия в жизни респондентов.

Таким образом, гипотеза о связи образа отца с «образом Я» юношей и девушек частично подтверждается.

Как известно, в методике Куна-Маркпартленда «Социальное Я» распадается на ряд отдельных идентичностей. Рассмотрим более подробно результаты в таблице 1, где отражена частота встречаемости названных характеристик каждой отдельной идентичности «социального Я» при описании собственного образа и образа отца.

Таблица 1. Сравнительный анализ «образа Я» и образа отца

Образ Я		Образ отца
Социальное Я	Ранг	
половая идентичность	3	5
сексуальная идентичность	6	3
учебно-проф. идентичность	1	2
семейная идентичность	2	1
этно-региональная идентичность	5	4
мировоззренческая идентичность	7	7
групповая идентичность	4	6

Как видно из таблицы 1., в обоих случаях на первые места в структуре «социального Я» выходят такие параметры как «семейная идентичность» (в образе отца) и «учебно-профессиональная» (в «образе Я»). Разница в позициях (1 или 2) может быть объяснена тем, что респонденты уже достигли статуса взрослых людей и на данном этапе строят профессиональную идентичность, в то время как их отец уже сложился как профессионал и он важен для респондентов именно в контексте семейной принадлежности.

Статистически значимых результатов о связи образа отца и перспективы будущего выявить не удалось. При разделении мужчин и женщин в

экспериментальной группе статистически значимых связей между показателями «образа Я» и образа отца также не было выявлено (приложения В1 и В2). Таким образом гипотеза о связи образа отца с перспективой будущего, а также гипотеза о различии образов отца юношей и девушек из неполных семей не подтвердились.

Наличие или уход отца из семьи по-видимому не оказывает решающего влияния на построение временной перспективы. На этом этапе уже появляются ресурсы для преодоления сложностей в построении будущего и скорее всего здесь существенное влияние оказывают иные факторы, не являющиеся предметом данной работы.

Несмотря на то, что нами не было обнаружено связи между образом отца и особенностями перспективы будущего, стоит обозначить те различия между участниками контрольной и экспериментальной групп, которые имеют статистическую значимость (Приложение Л). Сравнение проводилось с помощью непараметрического критерия U-Манна-Уитни.

На рисунке 1 показана средняя встречаемость каждого временного и мотивационного кодов. Так, несмотря на то, что временные коды прошлого (X1P) и момента смерти или периода после неё (X9X) редко встречаются в обеих группах, в экспериментальной группе данные показатели представлены как более часто встречающиеся. Возможно, это имеет отношение к пережитому кризису в прошлом, так как большинство ответов, относящихся к данным временным отрезкам, связаны со страхом неизбежности смерти и сомнениями в правильности поступков в прошлом, что свидетельствует о повышенном уровне тревожности.

Что касается отличий по выраженности мотивационных объектов, то в экспериментальной группе статистически значимо чаще встречаются мотивы активности в целом (R); познания (Ex); ожидания признания, любви и поддержки со стороны окружающих (C2). На уровне статистической тенденции у участников из неполных семей также чаще встречаются мотивы личностной автономии и альтруистической активности. Более выраженный показатель

мотива активности может быть связан с тем, что сложные жизненные ситуации, которые пришлось пережить самостоятельно, без поддержки отца, спровоцировали более раннее взросление. Мотив ожидания любви и поддержки со стороны окружающих, а также мотив личностной автономии предположительно могут быть связаны с особенностями семейной системы, в которой проживали или проживают респонденты, так как в неполных семьях зачастую можно встретить тесную эмоциональную связь с матерью, берущей на себя все функции по воспитанию ребенка. В то же время ребёнок может брать на себя некоторые функции взрослых, в частности, отца.

В свою очередь у респондентов контрольной группы чаще встречаются мотивы самореализации (SR); учебной деятельности (R3); беспокойства о счастье и благополучии родных и близких (C3.f.a.e.); а также мотив самореализации в контексте ответов на негативные индукторы. На уровне статистической тенденции у участников исследования из полных семей также чаще встречается мотив отдыха. В целом более выраженная представленность мотивов самореализации и учебной деятельности может быть связана с большей дифференцированностью планов и целей относительно своего профессионального пути. Мотив беспокойства о родных и близких выразился чаще всего в ответах в контексте опасения за здоровье родителей, что может быть связано с более явным осознанием, чем в подростковом возрасте факта старения матери и отца.

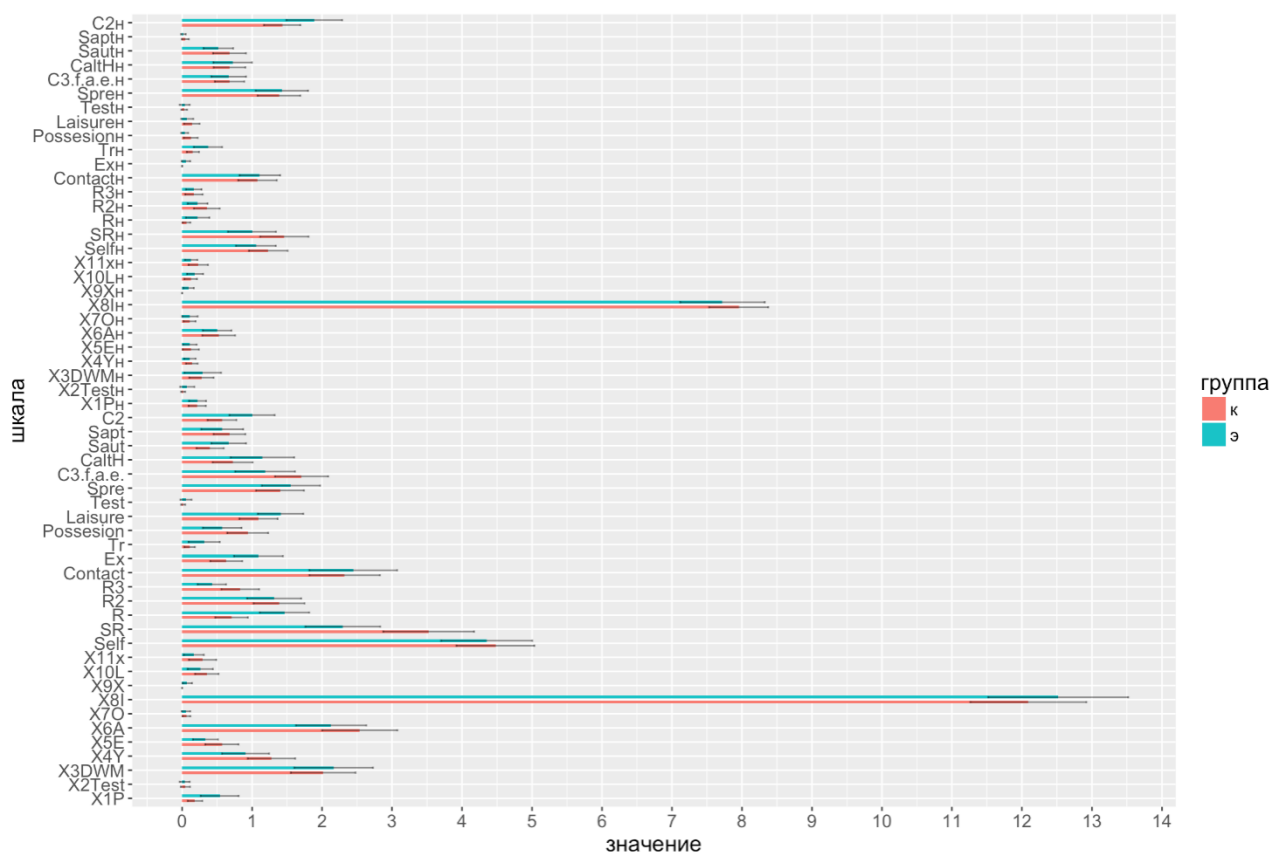
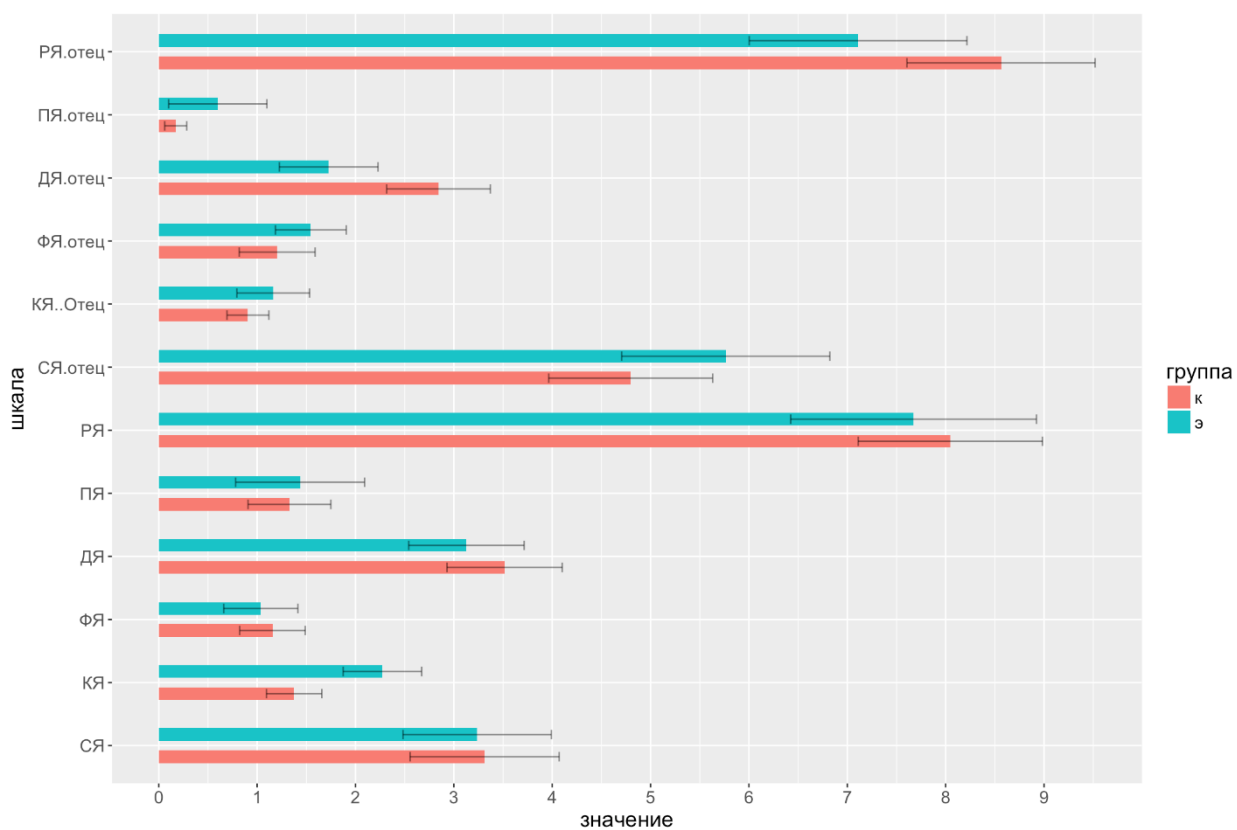

Рис. 1 Сравнение результатов по Методике Мотивационной Индукции.

Сравнение средних значений по методике «Кто Я?» в обеих обследуемых группах критерием U-Манна-Уитни (приложение Г) позволяет сделать вывод, что такие показатели как «рефлексивное Я» отца и «деятельное Я» отца сильнее выражены в контрольной группе. В свою очередь в экспериментальной группе ярче, чем в контрольной проявился показатель «физическое Я» отца (рис. 2).

Это может быть связано с фактором осведомленности об отце участниками экспериментальной группы. Есть основания полагать, что отсутствие отца в семейной системе не позволяет выстроить такие же четкие представления о его деятельности, чертах характера и других характеристиках как у юношей и девушек из полных семей, поэтому на первый план выходят характеристики его «физического Я», то есть те, которые легче вспомнить и представить, так как есть доступ к этой информации (фотографии, воспоминания).

к – контрольная группа; э – экспериментальная группа; РЯ – рефлексивное Я; ПЯ – перспективное Я; ДЯ – деятельное Я; ФЯ – физическое Я; КЯ – коммуникативное Я; СЯ – социальное Я.

Рис. 2. Сравнение групп по результатам методики «Кто Я?».

Различия по таким параметрам как самооценка и самооценка отца определялись с помощью критерия χ^2 -Пирсона (Приложение Д). Результаты статистической обработки позволяют сделать вывод о том, что оба параметра статистически значимо различаются. Следует пояснить, что параметр самооценка отца является аналогом показателя самооценки респондента в методике «Кто Я?». Данный показатель формируется на основе подсчета процентного соотношения позитивно и негативно оцененных пунктов, учитывая общее число указанных характеристик отца. Более подробное описание различий можно представить в следующей таблице (таблица 2.):

Таблица 2. Различия по показателям «самооценка» и «самооценка отца» в контрольной и экспериментальной группах.

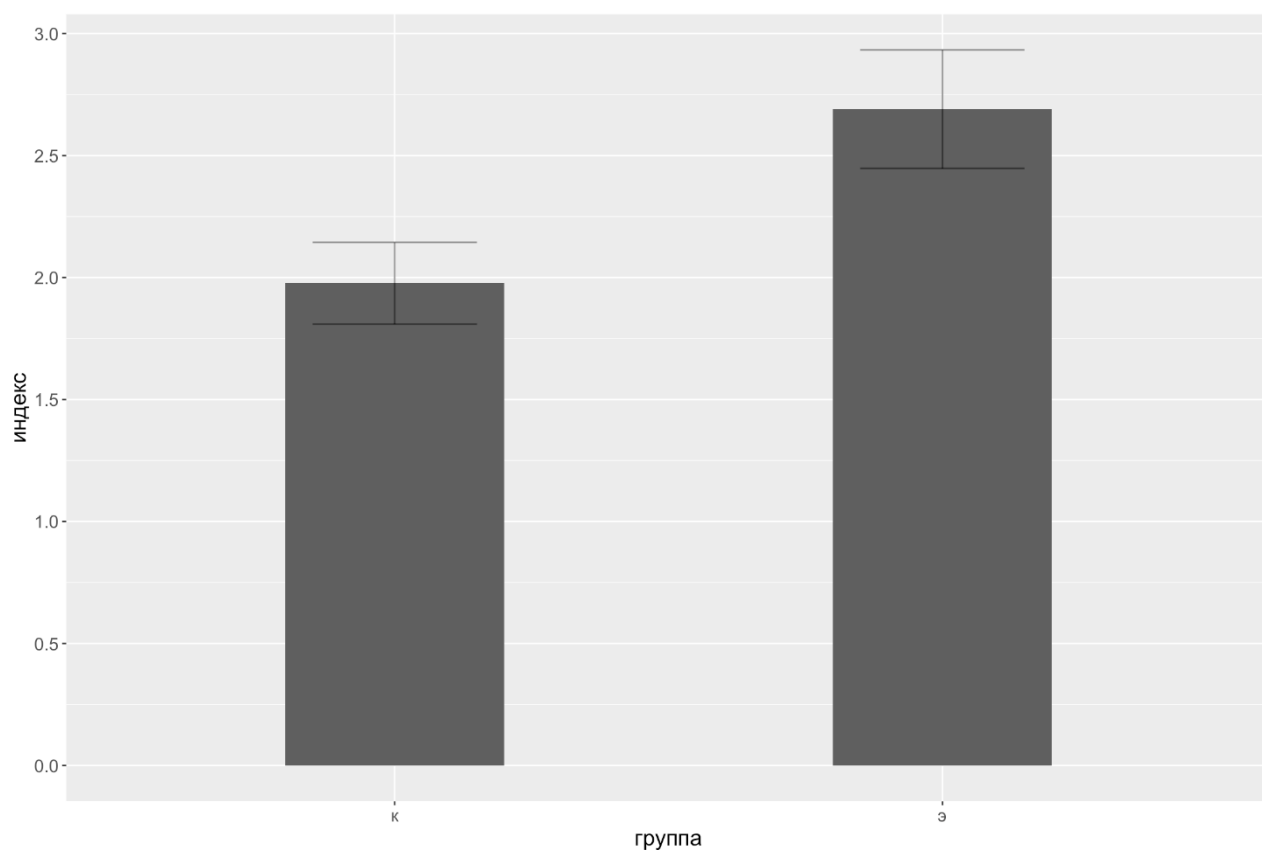
Контрольная группа	Самооценка отца				
	адекватная	завышенная	заниженная	неустойчивая	сумма
Самооценка					
адекватная	6	1	2	1	10
завышенная	6	9	1	9	25
заниженная	2	2	6	1	11
неустойчивая	1	5	4	8	18
сумма	15	17	13	19	64
Эксп. группа	Самооценка отца				
Самооценка	адекватная	завышенная	заниженная	неустойчивая	сумма
адекватная	4	0	16	1	21
завышенная	1	0	5	0	6
заниженная	3	0	10	1	14
неустойчивая	1	1	9	3	14
сумма	9	1	40	5	55

Как видно из таблицы 1, в контрольной группе чаще всего встречается завышенная самооценка и неустойчивая самооценка отца. В данном случае можно предположить, что завышенная самооценка выступает как фактор компенсации неустойчивой самооценки отца.

В экспериментальной группе чаще всего встречается показатель адекватной самооценки и заниженной самооценки отца. Такие результаты подводят нас к парадоксальному предположению о том, что опыт самостоятельной жизни по-видимому приводит к раннему становлению личности, зрелости, так как жизнь предъявляет больше требований к обеспечению собственного чувства безопасности. Указание почти всеми участниками экспериментальной группы на заниженную самооценку отца может свидетельствовать и о факторе обесценивания его образа, как способе совладения с травмирующей ситуацией. Возможно респонденты приписывают отцу невозможность пережить этот поступок и смещают свои переживания, связанные с полученной травмой на него.

Сравнение средних значений по результатам Опросника расщепленности родительских репрезентаций и методики «Незаконченные предложения» критерием U-Манна-Уитни позволило выделить следующие статистически значимые различия (приложение Ж):

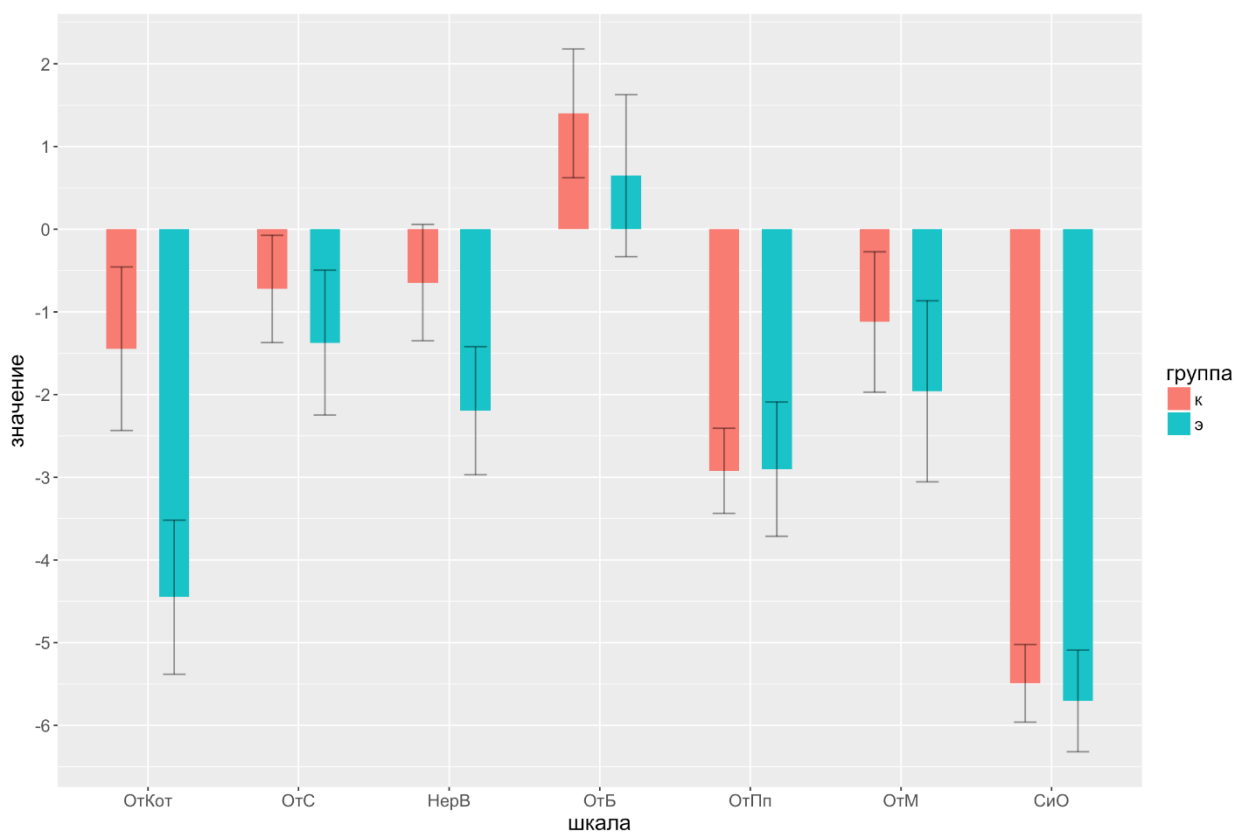
1) В экспериментальной группе индекс расщепления реального и идеального образа отца оказался выше, чем у участников контрольной группы (рис. 3.).

к- контрольная группа; э – экспериментальная группа.

Рис. 3. Индекс расщепления реального и идеального образов отца.

2) В экспериментальной группе такие показатели как «Отношение к отцу» и «Нереализованные возможности» имеют более выраженную негативную оценку, чем в контрольной группе. Причем данные показатели в обеих группах имеют отрицательное значение (рис. 4.).

к – контрольная группа; э – экспериментальная группа; ОтКот – отношение к отцу; ОтС – отношение к себе; НерВ – нереализованные возможности; ОтБ – отношение к будущему; ОтПп – отношение к противоположному полу; ОтМ- отношение к матери; СиО – страхи и опасения.

Рис. 4. Сравнение групп по результатам методики «Незаконченные предложения».

Таким образом, учитывая также данные из таблицы 2., можно сделать вывод, что у участников в экспериментальной группе сложился более негативный образ отца, чем у юношей и девушек в контрольной группе, о чем также свидетельствуют результаты качественного анализа: негативные формулировки встречаются чаще, чем в контрольной группе и носят эмоционально более выраженный характер. Приведем примеры подобных характеристик (таблица 3.):

Таблица 3. Пример негативных характеристик образа отца в ответах участников из неполных семей.

Высказывания юношей	Высказывания девушек
«гадкий и не приятный даже для незнакомца»	«он испортил нашу жизнь»
«плохой муж»; «плохой отец»	«не умеет строить отношения»; «грубый»; «злой»
«его едва ли интересует судьба его детей»	«ему не интересно, как поживает его дочь»; «начал мне что-то советовать и помогать очень поздно»
«он является для меня примером того, каким отцом я не стану для своих детей»	«непорядочный человек»
«жалкий тип», «беспольный»	«плохой человек»
«алкоголик»	«алкоголик»
«он мало со мной общается, впрочем как и я с ним»	«Я боюсь, что он начнёт искать меня»
«изменял маме»	«У него довольно плохие воспоминания о семье моей мамы»; «Он плохо относился к маме»; «Он постоянно меняет женщин»
«бездельник»; «не хочет развиваться»	«Скорее всего не имеет планов на будущее»; «Не меняется совсем»
«врун»	«Мой отец обманщик»; «мошенник»; «лжец»
«неудачник»; «потерял всё»	«От него можно ждать подвоха, в виде алиментов»
«слаб»; «безответственный»	«Тот, кого поглотила тьма в конце», «Несбывшийся»

Однако стоит отметить, что ни смотря на более негативный образ отца в целом у участников экспериментальной группы, данные статистической обработки не позволяют сделать однозначный вывод о том, что этот фактор отразился на их самооценке и самоотношении. Сравнение групп по результатам методики Дембо-Рубинштейн, а также опросника Столина-Пантелеева критерием U-Манна-Уитни также не дало статистически значимых результатов (приложение К). Это соотносится с результатами предыдущих курсовых работ, связанных с изучением темы переживания развода родителей и его

последствий: при изучении базисных убеждений, субъект-объектных ориентаций и протяженности временной перспективы также не было получено статистически достоверных различий. Можно сделать предположение, что на формирование самооценки, переживших развод родителей юношей и девушек могли оказать влияние иные факторы, такие как наличие отчима, представления матери об отце, обесценивание образа отца и дистанцирование от ситуации его отсутствия в семье, раннее взросление в связи с пережитыми трудностями и другое. Всё это подводит нас к выводу о том, что образ отца является сложной, комплексной структурой, которую нужно изучать всесторонне, в том числе с использованием качественных методов, таких как нарративное интервью.

3.5. Контент-анализ результатов опросника расщепленности родительских репрезентаций.

Качественный анализ представленных характеристик образа идеального отца позволил выделить наиболее часто встречающиеся желательные черты (рис. 4).

Следует отметить, что представленные на графике (рис. 4.) категории для удобства отражения результатов были сформированы путем обобщения и объединения в группы близких по смыслу качеств. Так, например, такие черты как «любопытный»; «развивающийся»; «целеустремленный» были отнесены к категории «самоактуализация».

Как видно из рисунка 5., наиболее предпочитаемыми характеристиками (названные 20 и более раз) идеального отца в обеих группах являются такие как: «Помогающий/ поддерживающий»; «самоактуализирующийся»; «принимающий участие в жизни ребенка»; «понимающий»; «заботливый»; «ответственный».

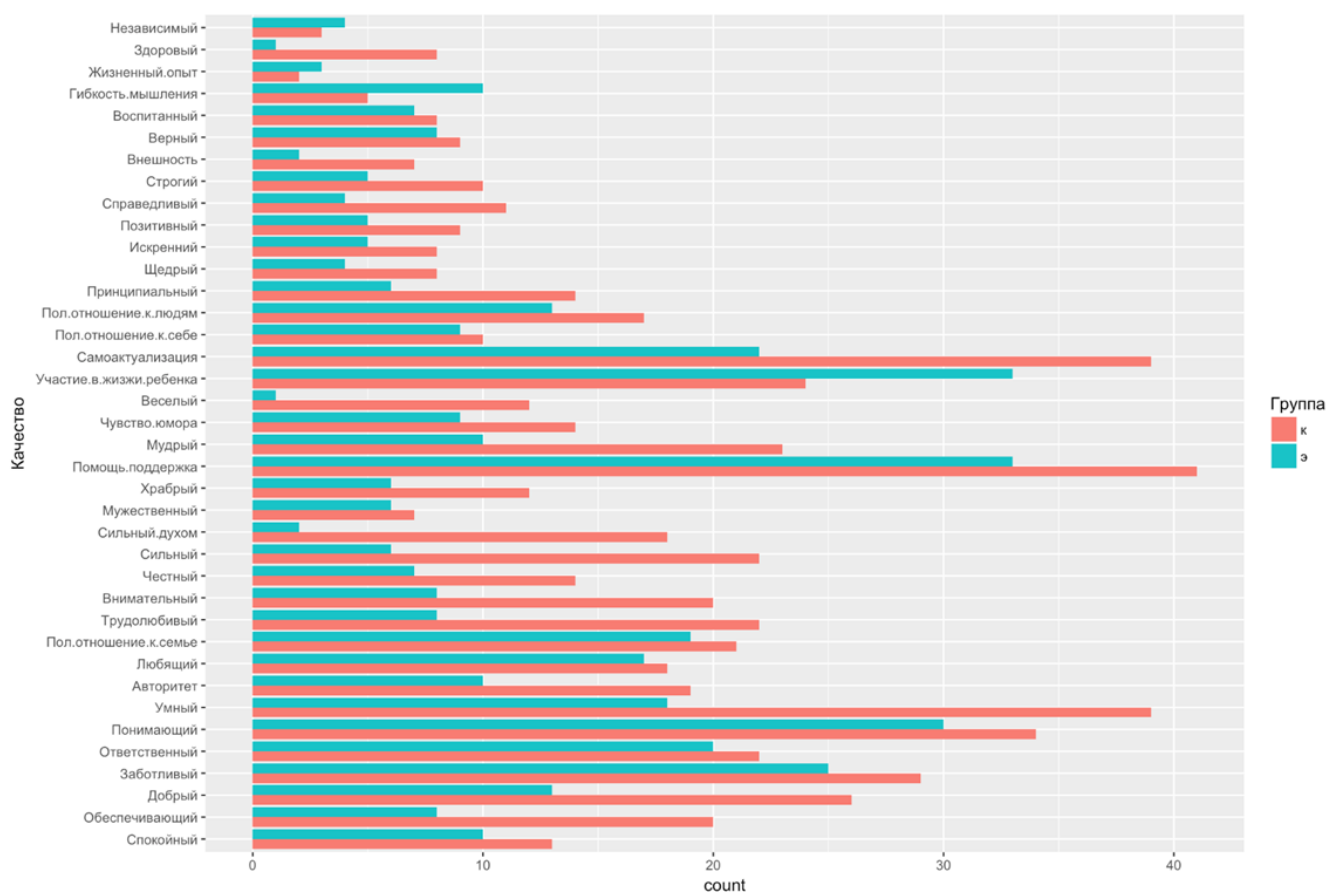

Рис. 5. Сравнение частоты встречаемости характеристик образа идеального отца в контрольной и экспериментальной группах.

На основе полученных результатов можно сделать предположение, что для участников обеих групп наиболее важны такие качества отца, которые связаны с его семейной ролью. От отца ожидается вовлеченность в процесс воспитания (что соотносится с данными в главе 1.), оказание помощи, поддержки, защиты. Также для респондентов большое значение играет самореализация отца. По всей видимости это связано с тем, что данный фактор может благотворно влиять на дела всей семьи.

В контрольной группе также можно выделить как часто встречающиеся следующие качества: «умный»; «веселый»; «мудрый»; «сильный» и «добрый». Меньшая частота встречаемости данных характеристик в ответах участников экспериментальной группы может свидетельствовать о том, что отсутствие отца в семье побуждает смещать фокус внимания на те качества, которые

связаны в большей мере не с личностью отца, а с его отношением к своей родительской роли и к детям.

Выводы

- 1) Не существует принципиальных различий между «образом Я» респондентов из полных семей и «образом Я» юношей и девушек из неполных семей, за исключением преобладания у юношей и девушек из контрольной группы завышенной самооценки, а участников исследования из неполных семей – адекватной самооценки.
- 2) Образ отца юношей и девушек, воспитанных в неполных семьях значимых отличий не имеет.
- 3) Образ отца у участников, воспитанных матерями в неполных семьях представлен более негативно, чем у респондентов из полных семей.
- 4) Существует частичная связь между «образом Я» и образом отца юношей и девушек из контрольной и экспериментальной групп.
- 5) Образ отца не связан с особенностями перспективы будущего.

Заключение

В данной работе были рассмотрены основные теоретические представления о фигуре отца и о его роли в развитии личности, а также проведен анализ представлений об отце в разных культурах.

Цель и задачи исследовательской работы были выполнены. Были изучены характеристики «образа Я» и образа отца, а также перспективы будущего юношей и девушек из полных и неполных семей.

Гипотеза о связи «образа Я» и образа отца частично подтвердилась. Принципиальных отличий в структуре «образа Я» респондентов из обеих групп выявлено не было, тогда как образ отца юношей и девушек, воспитанных матерями носит более негативный характер, чем у участников исследования из контрольной группы. В этом нам видится начало перспективной исследовательской деятельности, направленной на дальнейшее изучение образа отца. Гипотеза о связи образа отца и перспективы будущего напротив не подтвердилась, а также не было отмечено принципиальных различий в образах отца юношей и девушек из экспериментальной группы. Однако были выявлены интересные различия в мотивационном содержании перспективы будущего респондентов из обеих групп. На наш взгляд это свидетельствует о том, что тема связи образа отца и перспективы будущего требует дополнительного изучения с применением широкого арсенала методов исследования, а также с расширением выборки. Также углубленного изучения требует механизм компенсации юношами и девушками психологической травматизации в детском возрасте в связи с уходом отца из семьи.

Продолжение исследований в русле темы образа отца может помочь практическим психологам улучшить качество консультативной деятельности, а теоретикам глубже разобраться в построении человеком автобиографии.

Список литературных источников

1. Алешина Ю.Е., Волович А.С. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии, 1991. №4. С. 74-82
2. Ассаджоли, Р. Психосинтез/ Р. Ассаджоли. М.: Рефлбук, 1997. 316 с.
3. Бернс Р. Развитие Я – концепции и воспитание. М.: «Прогресс», 1986. 424 с
4. Болен Дж. Ш. Боги в каждом мужчине. Архетипы, управляющие жизнью мужчин. М.: София, 2008. 400 с.
5. Боулби Д. Привязанность. М.: «Гардарики», 2003. 477 с.
6. Боулби Д. Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: «Академический проект», 2004. 232 с.
7. Боуэн М. О дифференциации «я» // Московский психотерапевтический журнал, 2005. №2. С. 147-164.
8. Варга А., Системная семейная психотерапия // Журнал практической психологии и психоанализа, 2000. № 2
9. Варга А.Я., Хамитова И.Ю. Теория семейных систем Мюррея Боуэна // Московский психотерапевтический журнал, 2005. №2. С. 137 – 147.
10. Васильева Н.Л. Теория и методология современного детского психоанализа. СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2005. 160 с.
11. Винникотт Д. В. Игра в реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. 288 с.
12. Волкова Т.Г. Анализ образа Я как продукта самосознания личности. // Современная психология: материалы междунар. заоч. науч. конф. Пермь: Меркурий, 2012. 94 с.
13. Выготский, Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. / Л.С. Выготский. М.: Педагогика, 1987.
14. Джемс У.Д. Психология. / Под ред. Л.А. Петровской. М., 1991. 368 с.
15. Дольто Ф. На стороне ребенка. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. 672 с.
16. Дональд Вудс Винникотт. Ребенок, семья и внешний мир. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. 256 с.
17. Дружинин В.Н. Психология семьи. М.: КСП, 1996. 160 с.

18. Жибо А., Россохин А., Психоанализ во Франции, или как научиться жить с неопределенностью // Французская психоаналитическая школа. СПб: Питер, 2005.
19. Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность/ под ред. Л.Я. Дорфмана. М.: Смысл, 2004. 319 с.
20. Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Роль отца в психическом развитии ребенка. М.: Форум, 2011. 112 с.
21. Калина О.Г. Баринцева И.В., Панкова Т.В. Родительские образы и защитные механизмы у юношей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование: Электрон. журн., 2011, № 2- URL: www.psyedu.ru (дата обращения: 27.05.2017)
22. Климова С.А. Маляржик Д.А. Калина О.Г. Образ отца и его связь с эмоциональным благополучием и полоролевой идентичностью подростков разного пола и возраста. [электронный ресурс] // Материалы V городской научно-практической конференции молодых ученых и студентов учреждений высшего и среднего образования городского подчинения. М.: МГППУ, 2006. 320с.– URL: <http://www.childpsy.ru/lib/authors/id/11852.php> (дата обращения: 27.05.2017)
23. Кляйн М., Айзекс С., Райвери Д., Хайманн П. Развитие в психоанализе. М.: Академический проект, 2001. с. 512
24. Кляузова Д. П., Мохов В. А. Образ отца у подростков, больных психосоматическими заболеваниями. [Электронный ресурс]// Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие: электрон. науч. журн.- URL: www.humjournal.rzgtmu.ru (дата обращения: 27.05.2017)
25. Кон И.С. Ребенок и общество. М.: ИЦ «Академия», 2003
26. Кон, И.С. В поисках себя: личность и её самосознание/ И.С. Кон. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
27. Кон. И.С. Зачем нужны отцы // Звезда, 2006. № 12. С. 124 – 145
28. Кохут Х. Восстановление самости. М.: Когито-Центр, 2002. 368 с.
29. Кочубей Б.И. Мужчина и ребенок. М.: Знание, 1993. Вып.7

30. Кули. Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок/ Ч.Х. Кули. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2000. 312 с.
31. Леонард Л. Ш. Эмоциональная женская травма. Исцеление детской травмы, полученной дочерью в отношениях с отцом. М.: Независимая фирма «Класс», 2011. 220 с.
32. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. М.: Смысл: Академия, 2005. 352 с.
33. Литвинова А.В., Большакова Н.Г. Зависимость ориентировки супругов в конфликте от образов родителей, сформированных в детстве // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи»: в 3ч. Ч.2 / под общ. Ред. Д-ра психол. Наук В. К. Шабельникова и канд. Психол. Наук А.Г. Лидерса. М., 2005. С. 318-322
34. Лихтенберг, Дж. Д. Клиническое взаимодействие: Теоретические и практические аспекты концепции мотивационных систем/ Дж. Д. Лихтенберг, Ф.М. Лачманн, Дж.Л. Фосседж; пер. с англ. А.М. Боковой. М.: Когито-Центр, 2003. 368 с.
35. Луиджи З. Отец: Исторический, психологический и культурологический анализ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 280 с.
36. Малярчук Н.Н., Прокофьева Н.Г. Технократическое мышление как нарушение качества жизни человека // Журнал практического психолога. М.: Фолиум, май-июнь 2012. №3. 57-64 с.
37. Мид, Дж. Г. Избранное/ Дж. Г. Мид; пер. В.Г. Николаева. М., 2009. 290 с.
38. Млодик И.Ю. Качественное детство и обоюдное «право быть» // Журнал практического психолога. М.: Фолиум, май-июнь 2012. №3. с. 78-84
39. Орлянский С.А. Трансформация образа мужчины в современной культуре: дис. ... канд. философ. наук:09.00.13 /Орлянский С.А. - Ставрополь, 2004. 146 с.

- 40.Осинская С.А Кравцова Н.А. Образ отца как детерминанта созависимости. // Мир науки, культуры, образования, 2012. № 3 (34). С. 122-116
- 41.Посохова С. Т. Липпо С. В. Образ отца как фактор самоактуализации у подростков и взрослых. // Современные проблемы психологии семьи. Сб. статей. СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2007. С. 81-87.
- 42.Райгородский Д.Я. Психология самосознания. / Ред.- сост. Д.Я. Райгородский // Хрестоматия. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2003.303 с.
- 43.Роджерс, К.Р. Становление личности: Взгляд на психотерапию Эксмо-Пресс, 2001. 416 с.
- 44.Россохин А. Всё о моей матери // Психология. 2006.№ 8. С. 100–103.
- 45.Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание/ Мир и человек. СПб.: Питер, 2003. С. 351–356
- 46.Салливан Г.С. Интерперсональная теория в психиатрии. СПб.: Ювента, 1999. 352 с
- 47.Сокаридес Ч. Значение и содержание отклонений в сексуальном поведении. Вклад психоанализа/ в кн. Энциклопедия глубинной психологии. – Т.1. – М.: MGM-Interna, 1998. С. 729-763.
- 48.Соловьева А.А. Роль образа родителя в социализации детей, воспитывающихся вне семьи // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи»: в 3ч. Ч.3 / под общ. Ред. Д-ра психол. Наук В. К. Шабельникова и канд. Психол. Наук А.Г. Лидерса. М., 2005. С. 318-320
- 49.Спиркин, А.Г. Философия/ А.Г. Спиркин. – Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011. 832 с.
- 50.Столин В.В. Самосознание личности. М.: Издательство МГУ, 1983. 286 с.
- 51.Столин В.В., Бодалев А.А. Общая психодиагностика. СПб.: Изд. «Речь», 2002. 440 с

52. Тайсон Ф., Тайсон Р. Психоаналитическая теория развития. Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 528 с.
53. Узель Д. Бисексуальные аспекты контрпереноса в терапии детей, страдающих психопатическими расстройствами // Контрперенос в психоаналитической терапии детей и подростков. – под ред. Дж. Циантиса, А.М.: Когито-Центр, 2005
54. Усков А.Ф. Извращенность: проблема личности и общества // Московский психотерапевтический журнал, 2000. №4. С. 55-69.
55. Федеральная служба государственной статистики. Демография: браки и разводы. [Электронный ресурс] - URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 24.05.2017)
56. Федотова Н.Ф. Глава семьи: мотивы признания // Вопросы психологии, 1983. №5. С. 87-94.
57. Фигдор Гельмут. Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой (психоаналитическое исследование). М.: Наука, 1995. 376 с.
58. Филипенко В.В. Папа и дочь. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.twirpx.com/file/2226647/> (дата обращения: 27.05.2017)
59. Фрейд З. Анализ фобии пятилетнего мальчика // Психоанализ и детские неврозы. СПб.: Алетейя, 2000. С. 143 – 277.
60. Фрейд З. Тотем и Табу // Тотем и табу. М.: Аст, 1997.
61. Фрейд, З. Введение в психоанализ: Лекции/ З. Фрейд; пер. с нем. Г.В. Барышниковой; под ред. Е.Е. Соколовой, Т.В. Родионовой. М.: Азбука-Аттикус, 2011. 480 с
62. Хартманн, Х. Эго-психология и проблема адаптации/ Х. Хартманн; пер. с англ. В.В. Старовойтовой; под ред. М.В. Ромашкевича. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. 160 с.
63. Холмогорова А.Б., Полкунова Е.В., Родительские репрезентации у больных депрессивными расстройствами // Актуальные проблемы клинической

- психологии в современном здравоохранении. Екатеринбург, 2004. С. 342 – 356.
64. Хьелл, Л. Теории личности/ Л. Хьелл, Д. Зиглер; пер. с англ. С. Меленевская, Д. Викторова. СПб.: Питер Пресс, 1997. 608 с.
65. Шаллер Д.Л. Потеря и обретение отца. СПб.: Мирт, 1998. 216 с.
66. Шутценбергер А. Синдром предков. М.: Издательство института психотерапии, 2001. 240 с.
67. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис/ Э. Эриксон; пер. с англ. А.Д. Андреевой, А.М. Прихожана, В.И. Ривош. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
68. Blos P. The young adolescent: clinical studies. New York: Free press, 1970.
69. Blundell S. Fatherless sons: psychoanalytic psychotherapy with bereaved boys / Trowell J., Etchegoyen A. (eds). The importance of fathers. Hove: Brunner-Routledge, 2002. P. 172-186.
70. Bretherton I. Bowlby's legacy to developmental psychology // Child Psychiatry and Human Development, 1997. vol. 28. p. 33-43.
71. Britton R. The missing link: parental sexuality in the Oedipus complex // The Oedipus complex today. London: Karnac books, 2000.
72. Davids M. Fathers in the internal world: from boy to man to father / Trowell J., Etchegoyen A. (eds). The importance of Fathers. Hove: Brunner – Routledge, 2002. P. 67-93.
73. Diamond M. The shaping of masculinity: revisioning boys turning away from their mothers to construct male gender identity // Int. J. Psychoanal, 2004. vol.85. P. 359 – 381.
74. Emília Carvalho Coutinho, Joana Gomes Vilaça Cardoso Antunes, João Carvalho Duarte, Vitória Castro Parreira, Cláudia Margarida Balula Chaves, Paula Alexandra Batista Nelas. Benefits for the father from their involvement in the labour and birth sequence. Procedia - Social and Behavioral Sciences, 2016. Vol. 217. p. 435 – 442
75. Etchegoyen A. Psychoanalytic ideas about fathers / Trowell J., Etchegoyen A. (eds). The importance of Fathers. Hove: Brunner – Routledge, 2002. P. 20-43.

76. Grossmann K., Grossmann K.I., Fremmer-Bombik E., Kindler H., Scheuerer-English H., Zimmermann P. The uniqueness of child-father attachment relationship: fathers' sensitive and challenging play as a pivotal variable in a 16-year longitudinal study // *Social Development*, 2002. Vol. 11. P. 307-331.
77. Krampe E. The inner father // *Fathering*, 2003. №6.
78. Lamb M., Lewis C. The development and significance of father-child relationships in two-parent families / Lamb M. (eds). *The role of father in child development*. New Jersey: Wiley, 2004. P. 272-307.
79. Lamb M., Tamis-LeMonda C. The role of father: introduction / Lamb M. (eds). *The role of father in child development*. New Jersey: Wiley, 2004. P. 1-32.
80. Lidz T., Cornelison A., Fleck S., Terry D. Intrafamilial environment of the schizophrenic patient.: The father // *Psychiatry*, 1957. Vol. 20. P. 329 – 342.
81. Marks M. Letting fathers in / Trowell J., Etchegoyen A. (eds) *The importance of fathers*. Hove: Brunner – Routledge, 2002. P. 93 – 107.
82. McBride B., Brown G., Boast K., Shin N., Vaughn B., Korth B. Paternal identity, maternal gatekeeping, and father involvement // *Family Relations*. – 2005. Vol. 54. P. 360 – 372.
83. Parke R., Dennis J., Flyr M., Morris K., Killian C., McDowell D., Wild M. *Fathering and children's peer relationships* / Lamb M. (eds). *The role of the father in child development*. New Jersey: Wiley, 2004. P. 307 – 341.
84. Pleck, J.H., Masciadrelli, B. P. Paternal involvement by US. residential fathers: Levels, sources, and consequences. I. M. E. Lamb (Ed.), *The role of the father in child development*. New York: Wiley, 2004. 4th ed. P. 222-271.
85. Pels T., Muslim families from Morocco: gender dynamics and fathers' roles in context of change // *Current Sociology*. – Vol.48, № 4. – P. 75 – 93
86. Rohner R. Father love and child development: history and current evidence // *Current Directions in Psychological Science*, 1998. Vol. 7. P. 157 – 161.
87. Target M., Fonagy P., *Fathers in modern psychoanalysis and in society: The role of the father in child development* / Trowell J., Etchegoyen A. (eds) *The importance of fathers*. Hove: Brunner – Routledge, 2002. Vol. 35. P. 731 – 745.

Приложение А1

Анкета для отбора участников исследования в контрольную группу.

1. Укажите пожалуйста Ваш пол:

Мужской

Женский

2. Укажите пожалуйста Ваш возраст

3. Вы живёте с родным отцом?

Да

Другое

4. Укажите пожалуйста Ваше семейное положение

Холост/не замужем

Женат/замужем

Разведён/разведена

5. Укажите пожалуйста ваши контактные данные для дальнейшего участия в исследовании

Приложение А2

Анкета для отбора участников исследования в экспериментальную группу

1. Укажите пожалуйста Ваш пол:

Мужской

Женский

2. Укажите пожалуйста Ваш возраст

3. Если Вы воспитывались только матерью, то укажите пожалуйста с какого возраста

4. Есть/был ли в Вашей семье человек, выполнявший функции второго родителя? Если да, то укажите, кем он Вам приходился/тся?

5. Укажите пожалуйста причину отсутствия родного отца в составе семьи

Развод по инициативе матери

Развод по инициативе отца

Смерть отца

Другое

6. Укажите пожалуйста ваше семейное положение:

Холост/не замужем

Женат/замужем

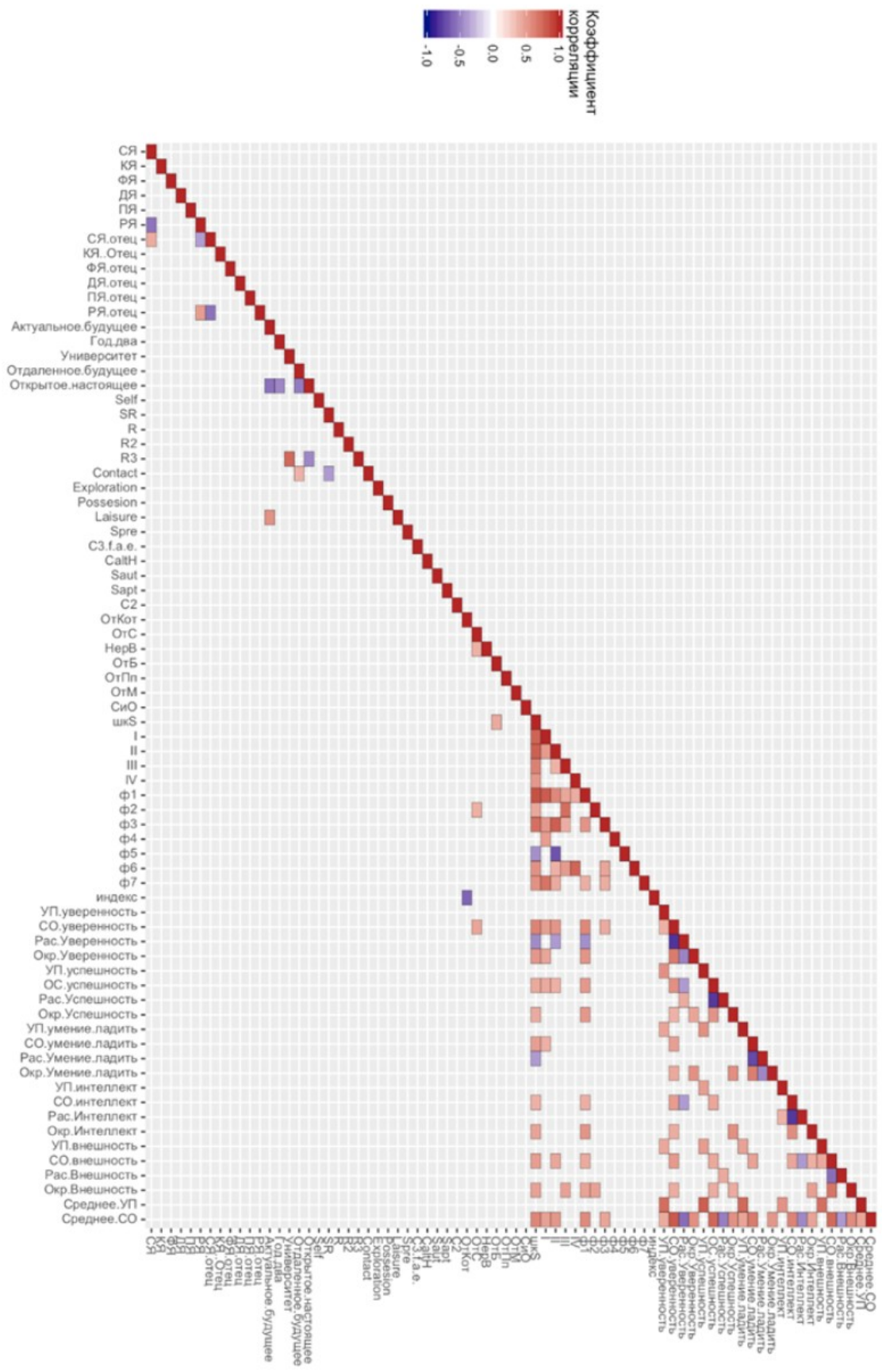
Разведён/Разведена

7. Укажите пожалуйста Ваши контактные данные для дальнейшего участия в исследовании

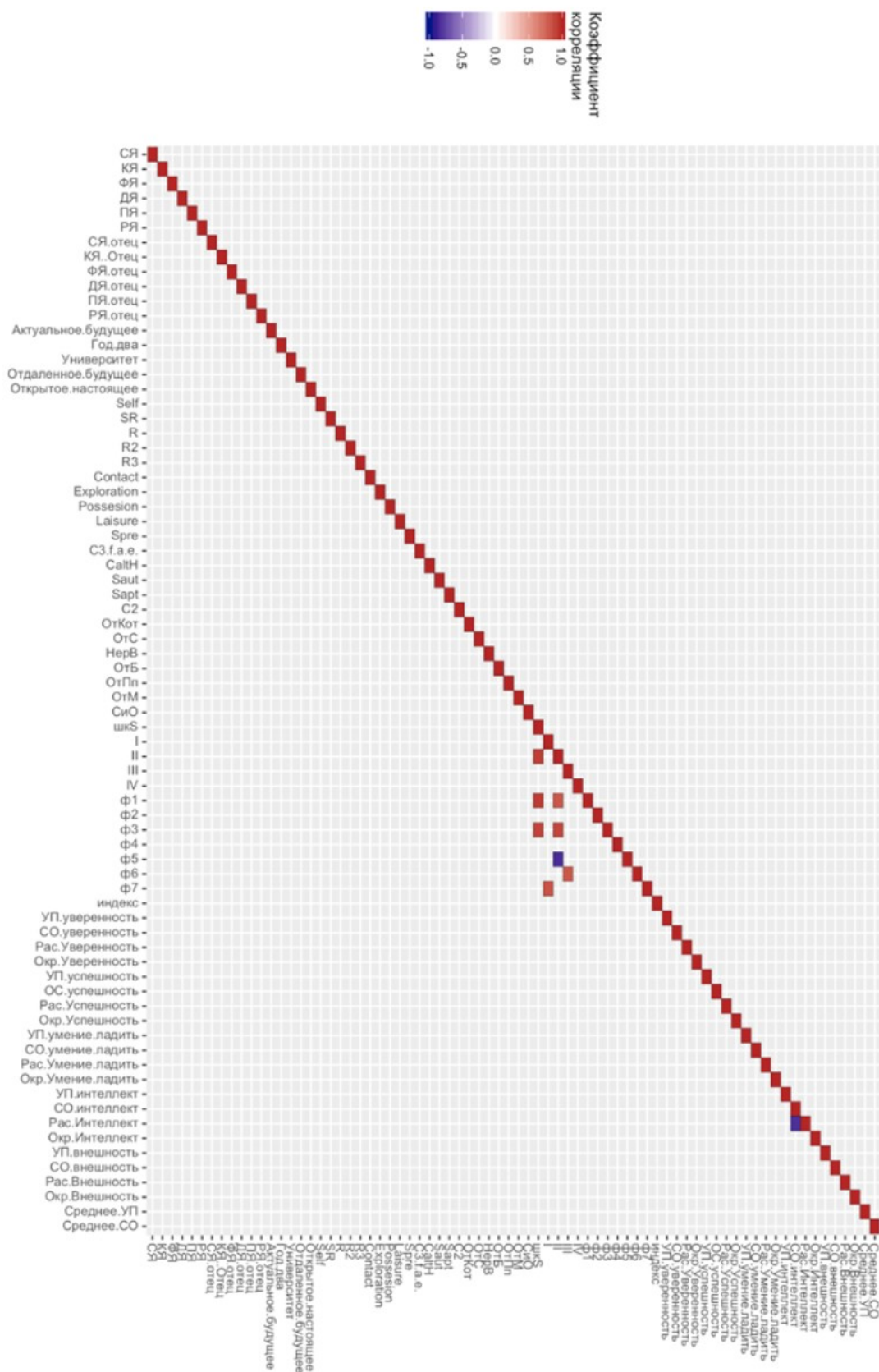
Приложение Б

Графическое представление результатов корреляционного анализа.

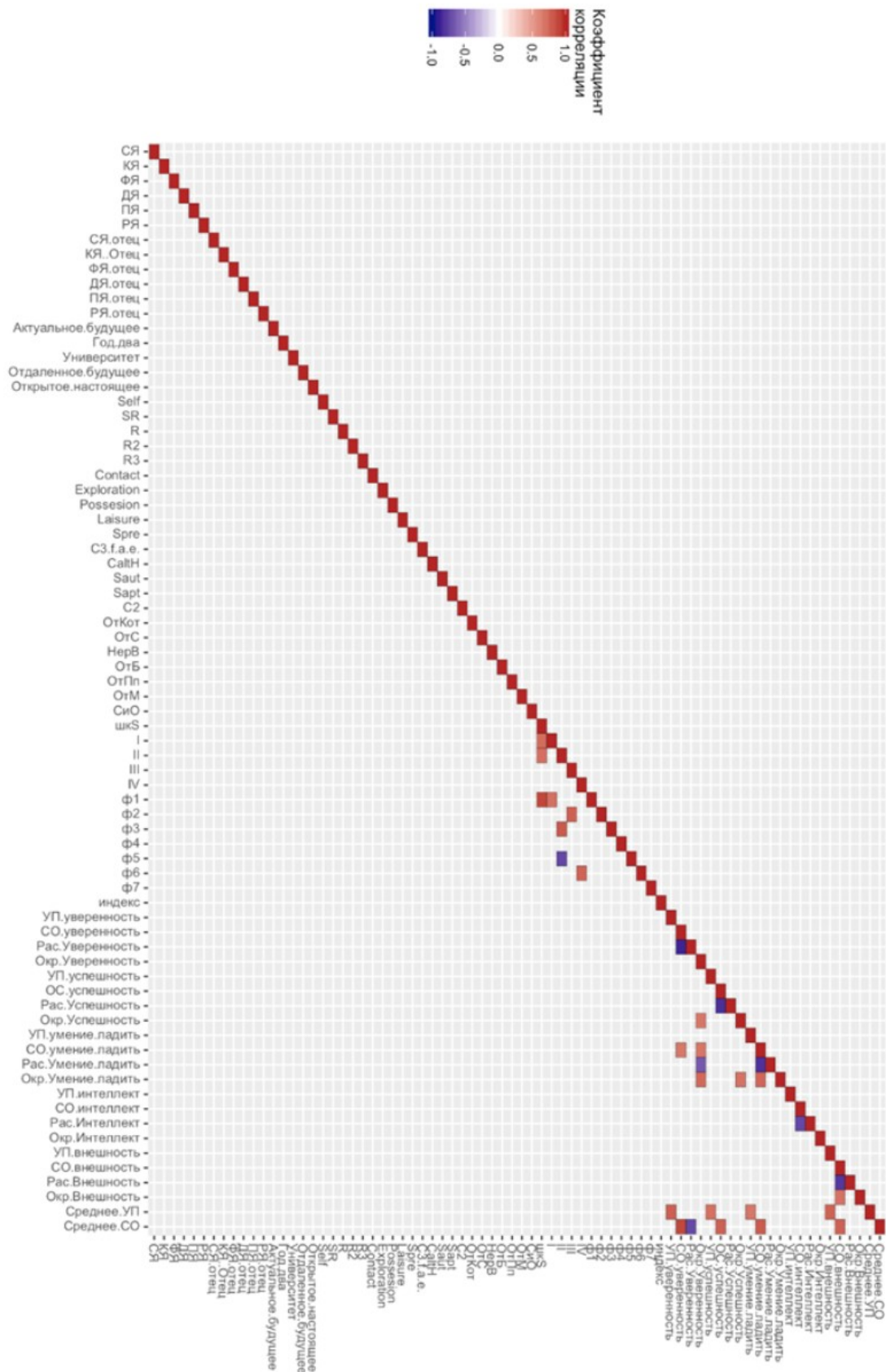
Приложение В1

Графическое представление результатов корреляционного анализа.
 Мужчины экспериментальной группы.

Приложение В2

Графическое представление результатов корреляционного анализа.
Женщины экспериментальной группы.

Приложение Г

Результаты сравнения средних значений по методике «Кто Я?» критерием U-Манна-Уитни.

```
##      p.value   U Sig
## СЯ  0.8908749036 1734.0
## КЯ  0.0005008055 1124.0 *
## ФЯ  0.3944010658 1911.5
## ДЯ  0.3669473221 1928.0
## ПЯ  0.5835473779 1858.0
## РЯ  0.5229579421 1880.0
## СЯ.отец 0.2133409524 1527.0
## КЯ..Отец 0.7242044307 1697.0
## ФЯ.отец 0.0564563582 1415.0
## ДЯ.отец 0.0002401450 2436.5 *
## ПЯ.отец 0.2436985576 1614.5
## РЯ.отец 0.0359911675 2152.5 *
##      группа   шкала значение.mean значение.sd
## 1      к      СЯ      3.3125000    3.0956959
## 2      э      СЯ      3.2363636    2.8542602
## 3      к      КЯ      1.3750000    1.1478067
## 4      э      КЯ      2.2727273    1.5086730
## 5      к      ФЯ      1.1562500    1.3594905
## 6      э      ФЯ      1.0363636    1.4267762
## 7      к      ДЯ      3.5156250    2.3904053
## 8      э      ДЯ      3.1272727    2.2198978
## 9      к      ПЯ      1.3281250    1.7187545
## 10     э      ПЯ      1.4363636    2.4777800
## 11     к      РЯ      8.0468750    3.8231944
## 12     э      РЯ      7.6727273    4.7260294
## 13     к      СЯ.отец 4.7968750    3.4001853
## 14     э      СЯ.отец 5.7636364    4.0044588
## 15     к      КЯ..Отец 0.9062500    0.8677420
```

Продолжение приложения Г

## 16	э КЯ..Отец	1.1636364	1.3979302
## 17	к ФЯ.отец	1.2031250	1.5754031
## 18	э ФЯ.отец	1.5454545	1.3583511
## 19	к ДЯ.отец	2.8437500	2.1471188
## 20	э ДЯ.отец	1.7272727	1.8998494
## 21	к ПЯ.отец	0.1718750	0.4561637
## 22	э ПЯ.отец	0.6000000	1.8915015
## 23	к РЯ.отец	8.5625000	3.9030920
## 24	э РЯ.отец	7.1090909	4.1884883

Приложение Д

Сравнение средних значений по параметрам «самооценка» и «самооценка отца» в методике «Кто Я?» критерием χ^2 -Пирсона.

```
## Pearson's Chi-squared test
##
## data:  table(bd$самооценкаОтец, bd$группа)
## X-squared = 37.176, df = 3, p-value = 4.224e-08
##
## Pearson's Chi-squared test
##
## data:  table(bd$Самооценка, bd$группа)
## X-squared = 15.818, df = 3, p-value = 0.001236
```

Приложение Ж

Сравнение средних значений по результатам Опросника расщепленности родительских репрезентаций и методики «Незаконченные предложения» критерием U-Манна-Уитни.

```
##
## Wilcoxon rank sum test with continuity correction
##
## data: bd$индекс by bd$группа
## W = 867, p-value = 1.642e-05
## alternative hypothesis: true location shift is not equal to 0
```

```
##           p.value      U Sig
## ОтКот 8.017711e-05 2364.0  *
## ОтС   3.599215e-01 1821.5
## НерВ  6.552130e-03 2144.0  *
## ОтБ   2.881621e-01 1848.0
## ОтПп  8.641733e-01 1688.5
## ОтМ   3.555991e-01 1823.5
## СиО   2.766255e-01 1850.5
## группа шкала значение.mean значение.sd
## 1      к ОтКот   -1.4461538  4.0659822
## 2      э ОтКот   -4.4509804  3.3959607
## 3      к ОтС     -0.7230769  2.6722398
## 4      э ОтС     -1.3725490  3.1934983
## 5      к НерВ    -0.6461538  2.8908842
## 6      э НерВ    -2.1960784  2.8214862
## 7      к ОтБ     1.4000000  3.2005859
## 8      э ОтБ     0.6470588  3.5655212
## 9      к ОтПп   -2.9230769  2.1162149
## 10     э ОтПп   -2.9019608  2.9614517
## 11     к ОтМ    -1.1230769  3.4933316
## 12     э ОтМ    -1.9607843  3.9897909
## 13     к СиО    -5.4923077  1.9294031
## 14     э СиО    -5.7058824  2.2386971
```


Приложение К

Сравнение средних значений по результатам методики Дембо-Рубинштейн и Опросника самооотношения Столина-Пантелеева критерием U-Манна-Уитни.

##		p.value	U	Sig
##	УП.уверенность	0.3082808	1917.0	
##	СО.уверенность	0.5012457	1853.0	
##	Рас.Уверенность	0.8415673	1690.5	
##	Окр.Уверенность	0.7663832	1783.5	
##	УП.успешность	0.7993365	1775.5	
##	ОС.успешность	0.2716312	1932.0	
##	Рас.Успешность	0.5669036	1621.5	
##	группа	шкала	значение.mean	значение.sd
## 1	к	УП.уверенность	84.94938	11.36620
## 2	э	УП.уверенность	82.47778	13.01102
## 3	к	СО.уверенность	55.73438	20.50605
## 4	э	СО.уверенность	52.36852	22.52907
## 5	к	Рас.Уверенность	28.95563	20.70935
## 6	э	Рас.Уверенность	30.94259	20.86418
## 7	к	Окр.Уверенность	67.28047	20.21614
## 8	э	Окр.Уверенность	65.53889	22.23055
## 9	к	УП.успешность	87.09469	11.45483
## 10	э	УП.успешность	85.51667	13.81320
## 11	к	ОС.успешность	52.63453	19.99147
## 12	э	ОС.успешность	48.00185	20.12814
## 13	к	Рас.Успешность	34.03516	19.96000
## 14	э	Рас.Успешность	37.51667	22.76717

Продолжение приложения К.

##		p.value	U	Sig
##	шкS	0.42065038	1906.0	
##	I	0.08663044	2074.5	.
##	II	0.45297966	1895.5	
##	III	0.32495658	1937.0	
##	IV	0.61526044	1848.0	
##	ф1	0.08720178	2072.5	.
##	ф2	0.72849253	1818.5	
##	ф3	0.72636938	1820.0	
##	ф4	0.19107751	1993.5	
##	ф5	0.27127873	1551.0	
##	ф6	0.73039111	1691.5	
##	ф7	0.85034337	1790.0	
##	группа	шкала	значение.mean	значение.sd
##	1	к шкS	75.70708	23.32679
##	2	э шкS	69.17877	27.87033
##	3	к I	68.43046	26.05758
##	4	э I	57.79981	29.54630
##	5	к II	66.28723	27.75868
##	6	э II	61.26019	32.42017
##	7	к III	59.65015	26.31698
##	8	э III	53.92463	30.79880
##	9	к IV	69.30677	27.48139
##	10	э IV	66.23370	30.41227
##	11	к ф1	66.34369	28.08474
##	12	э ф1	56.88204	30.70001
##	13	к ф2	58.19385	29.10811
##	14	э ф2	56.15963	31.57081
##	15	к ф3	67.55031	27.73365
##	16	э ф3	64.72389	30.47525
##	17	к ф4	62.79492	20.95373
##	18	э ф4	56.27148	25.59644
##	19	к ф5	49.76554	27.89012
##	20	э ф5	55.57556	28.81436
##	21	к ф6	64.69215	29.25442
##	22	э ф6	65.24704	34.16660
##	23	к ф7	65.89292	24.48227
##	24	э ф7	65.09926	24.67987

Приложение Л

Сравнение групп по результатам Методики Мотивационной Индукции критерием U-Манна-Уитни.

##	p.value	U	Sig
## X1P	0.0283143716	1447.0	*
## X2Test	0.6869856486	1776.0	
## X3DWM	0.7981310028	1707.5	
## X4Y	0.1263950656	2026.0	
## X5E	0.2055064281	1945.5	
## X6A	0.4744869301	1887.0	
## X7O	0.8958020019	1765.5	
## X8I	0.3923453522	1595.0	
## X9X	0.0268180223	1625.0	*
## X10L	0.3820309569	1873.5	
## X11x	0.2779502458	1882.0	
## Self	0.6550774571	1838.5	
## SR	0.0054532291	2268.0	*
## R	0.0002730307	1110.0	*
## R2	0.7766343000	1806.5	
## R3	0.0465309598	2078.5	*
## Contact	0.9242420712	1773.0	
## Ex	0.0261913331	1372.5	*
## Tr	0.1889502084	1605.0	
## Possession	0.0527175311	2077.5	
## Laisure	0.1507306490	1495.5	
## Test	0.4551057604	1716.5	
## Spre	0.6473788098	1671.5	
## C3.f.a.e.	0.0280492841	2152.0	*
## CaltH	0.0957845287	1470.5	
## Saut	0.0581329589	1458.0	
## Sapt	0.3056236168	1924.0	
## C2	0.0413516238	1408.0	*
## X1PH	0.6981916354	1705.5	
## X2TestH	0.4491947878	1716.0	

```

## X3DWMн 0.7342668614 1796.0
## X4Yн 0.6592055265 1803.0
## X5Eн 0.7899689943 1730.5
## X6Aн 0.4571354711 1639.0
## X7Oн 0.7602132542 1783.0
## X8Iн 0.8405586791 1792.5
## X9Xн 0.0128371358 1592.5 *

```

Продолжение приложения Л

```

## X10Lн 0.3574003997 1652.5
## X11хн 0.4949551483 1835.0
## Selfн 0.4241509564 1898.5
## SRн 0.0482951430 2109.0 *
## Rн 0.1771274615 1627.5
## R2н 0.3063532685 1891.5
## R3н 0.7250422322 1715.5
## Contactн 0.8031027304 1710.0
## Eн 0.0565496708 1657.5
## Trн 0.1688764444 1577.5
## Possessionн 0.2256754267 1854.0
## Laisuren 0.3204793636 1845.0
## Testн 0.6942300398 1775.5
## Spreн 0.8609351509 1787.0
## C3.f.a.e.н 0.7635655738 1806.0
## CaltHн 0.9116329999 1736.0
## Sautн 0.4042228365 1892.0
## Saptн 0.4118221997 1803.5
## C2н 0.1353750949 1483.0
##
## группа шкала значение.mean значение.sd
## 1 к X1P 0.18461538 0.42910909
## 2 э X1P 0.53703704 1.02263003
## 3 к X2Test 0.04615385 0.27561121
## 4 э X2Test 0.03703704 0.27216553
## 5 к X3DWM 2.01538462 1.90797920
## 6 э X3DWM 2.16666667 2.10793649
## 7 к X4Y 1.27692308 1.39762849
## 8 э X4Y 0.90740741 1.26294831
## 9 к X5E 0.56923077 0.98376240
## 10 э X5E 0.33333333 0.67292658
## 11 к X6A 2.53846154 2.21554820

```

## 12	э	X6A	2.12962963	1.88385691
## 13	к	X7O	0.06153846	0.24218556
## 14	э	X7O	0.05555556	0.23121228
## 15	к	X8I	12.09230769	3.41285748
## 16	э	X8I	12.51851852	3.75545259
## 17	к	X9X	0.00000000	0.00000000
## 18	э	X9X	0.07407407	0.26435053
## 19	к	X10L	0.35384615	0.69441453
## 20	э	X10L	0.25925926	0.67809904

Продолжение приложения л

## 21	к	X11x	0.29230769	0.80473359
## 22	э	X11x	0.16666667	0.54078908
## 23	к	Self	4.47692308	2.29882913
## 24	э	Self	4.35185185	2.44299080
## 25	к	SR	3.52307692	2.67574576
## 26	э	SR	2.29629630	2.00593111
## 27	к	R	0.70769231	0.96376665
## 28	э	R	1.46296296	1.32768721
## 29	к	R2	1.38461538	1.49679144
## 30	э	R2	1.31481481	1.45140237
## 31	к	R3	0.83076923	1.11199751
## 32	э	R3	0.42592593	0.76729989
## 33	к	Contact	2.32307692	2.07746610
## 34	э	Contact	2.44444444	2.35257119
## 35	к	Ex	0.63076923	0.94487484
## 36	э	Ex	1.09259259	1.30699885
## 37	к	Tr	0.10769231	0.31240383
## 38	э	Tr	0.31481481	0.84281814
## 39	к	Possesion	0.93846154	1.21033212
## 40	э	Possesion	0.57407407	1.03890094
## 41	к	Laisure	1.09230769	1.12809404
## 42	э	Laisure	1.40740741	1.22117355
## 43	к	Test	0.01538462	0.12403473
## 44	э	Test	0.05555556	0.30198505
## 45	к	Spre	1.40000000	1.41200212
## 46	э	Spre	1.55555556	1.56213046
## 47	к	C3.f.a.e.	1.70769231	1.56846937
## 48	э	C3.f.a.e.	1.18518519	1.60275793
## 49	к	CaltH	0.72307692	1.17934956

## 50	э	CaltH	1.14814815	1.70910334
## 51	к	Saut	0.40000000	0.80622577
## 52	э	Saut	0.66666667	0.93162467
## 53	к	Sapt	0.67692308	0.93721149
## 54	э	Sapt	0.57407407	1.12605258
## 55	к	C2	0.56923077	0.84722397
## 56	э	C2	1.00000000	1.21313565
## 57	к	X1PH	0.21538462	0.51515494
## 58	э	X1PH	0.22222222	0.46242456
## 59	к	X2TestH	0.01538462	0.12403473
## 60	э	X2TestH	0.07407407	0.38125175
## 61	к	X3DWMH	0.27692308	0.71823769

Продолжение приложения Л

## 62	э	X3DWMH	0.29629630	0.98344081
## 63	к	X4YH	0.13846154	0.34807161
## 64	э	X4YH	0.11111111	0.31722063
## 65	к	X5EH	0.12307692	0.48437112
## 66	э	X5EH	0.11111111	0.37197417
## 67	к	X6AH	0.52307692	0.96998216
## 68	э	X6AH	0.50000000	0.77093425
## 69	к	X7OH	0.10769231	0.35895146
## 70	э	X7OH	0.11111111	0.41964345
## 71	к	X8IH	7.95384615	1.73593247
## 72	э	X8IH	7.72222222	2.26887610
## 73	к	X9XH	0.00000000	0.00000000
## 74	э	X9XH	0.09259259	0.29258242
## 75	к	X10LH	0.12307692	0.37532038
## 76	э	X10LH	0.18518519	0.43757799
## 77	к	X11xH	0.23076923	0.58011935
## 78	э	X11xH	0.12962963	0.33904952
## 79	к	SelfH	1.23076923	1.14249222
## 80	э	SelfH	1.05555556	1.07135370
## 81	к	SRH	1.46153846	1.42606236
## 82	э	SRH	1.00000000	1.28855631
## 83	к	RH	0.06153846	0.24218556
## 84	э	RH	0.22222222	0.63444127
## 85	к	R2H	0.35384615	0.75892130
## 86	э	R2H	0.22222222	0.53787375
## 87	к	R3H	0.16923077	0.51748281
## 88	э	R3H	0.16666667	0.42337369
## 89	к	ContactH	1.07692308	1.13616257

## 90	э	Contactн	1.11111111	1.09314617
## 91	к	Ехн	0.00000000	0.00000000
## 92	э	Ехн	0.05555556	0.23121228
## 93	к	Тгн	0.15384615	0.36360905
## 94	э	Тгн	0.37037037	0.75974912
## 95	к	Possesionн	0.12307692	0.41486791
## 96	э	Possesionн	0.03703704	0.19062588
## 97	к	Laisuren	0.13846154	0.46357723
## 98	э	Laisuren	0.07407407	0.32805038
## 99	к	Testн	0.03076923	0.17403581
## 100	э	Testн	0.03703704	0.27216553
## 101	к	Spren	1.38461538	1.25862410
## 102	э	Spren	1.42592593	1.40889160

Продолжение приложения Л

## 103	к	С3.f.a.e.н	0.67692308	0.86796623
## 104	э	С3.f.a.e.н	0.66666667	0.93162467
## 105	к	Сaltнн	0.67692308	0.93721149
## 106	э	Сaltнн	0.72222222	1.03553225
## 107	к	Sautн	0.67692308	0.96998216
## 108	э	Sautн	0.51851852	0.79481197
## 109	к	Saptн	0.04615385	0.21145103
## 110	э	Saptн	0.01851852	0.13608276
## 111	к	С2н	1.43076923	1.07484346
## 112	э	С2н	1.88888889	1.50052402